

9

63

1735

801-19

131

СКАЗКИ
М. М. КОРГУЕВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР
1944

СКАЗОЧНИК М. М. КОРГУЕВ

Матвей Михайлович Коргуев родился в 1883 году в селе Кереть, Лоухского района Карело-Финской ССР. Родился он в бедной семье помора-рыбака. Отец умер, когда мальчику было всего 6 лет.

«Мать моя,—рассказывал Матвей Михайлович,—работала у кулака за 15 копеек в сутки, работы были трудные, и у нас была большая нужда—мы два года ходили по миру». Рано началась трудовая жизнь Матвея Михайловича. Он работал подпаском, пильщиком дров, подручным на рыбной ловле, ходил поваром на парусном судне. И так все 34 года, пока Великая Октябрьская революция не открыла дорогу в счастливую жизнь. В годы советской власти Коргуев от кредитного товарищества получил лошадь, он справил рыболовную снасть и зажил по-новому. В 1933 году Матвей Михайлович вступил в колхоз «Красный рыбак». Коргуев был опытным и смелым рыбаком; молодежь уважала старого рыбака и любила слушать его замечательные сказки, которые украшали труд и отдых. Беломорский рыбак стал знаменитым сказителем. От него фольклорист А. Н. Нечаев записал 115 сказок, которые составили две объемистые книги «Сказок Карельского Беломорья». Советское правительство наградило талантливого сказочника орденом «Знак почета», народ избрал его своим депутатом в Верховный Совет Карело-Финской ССР. Коргуева приняли в члены Союза Советских писателей СССР. В начале 1943 г. Матвей Михайлович Коргуев умер.

По богатству своего репертуара Коргуев несомненно является одним из выдающихся русских сказочников. Он

44-12271

2015202175

принадлежит к числу тех сказочников, которых в науке принято называть классиками или эпиками. В своем жанре Матвей Михайлович такой же классик, как Т. Г. Рябинин в своих былинах. Коргуевские сказки вводят нас в великолепный дворец сказочной культуры, который создавался в течение многих столетий. Матвей Михайлович прекрасно сохранил сказочную обрядность и традиционную поэтику; он сказки знал твердо, рассказывал он их исключительно спокойно и уверенно, как опытный мастер.

Многолетняя практика сказительства выработала определенную манеру, тот стиль эпического повествования, который особенно соответствовал содержанию монументальных волшебнo-герoических сказок. Коргуев стремился к максимальному воздействию на слушателя не внешними приемами повествования, а внутренней логикой изображаемых событий; пафосом вымысла, богатством сюжетных и фабульных положений. Коргуев-рассказчик полностью соответствовал Коргуеву-художнику. В том и другом случае он оставался эпиком, представителем классического стиля сказки.

Коргуев — мастер волшебнo-герoической сказки. Он обнаружил тяготение к большим эпическим формам, к сложным сюжетным комбинациям. В традиционную сюжетную канву беломорский сказочник легко вводит мотивы из других сказок, объединяя целые сюжеты, подробно разрабатывает отдельные детали и описательные картины, стремится к углубленной психологической характеристике героев и большое место уделяет развернутому диалогу. Волшебнo-герoические сказки Коргуева свидетельствуют прежде всего о проникновении в традиционные сюжеты новых понятий, о более реалистическом отношении сказочника к волшебным мотивам, о победе человека над стихийными силами природы и сказочными чудовищами. В композиции сказки меняется прежде всего соотношение между реальным и нереальным элементом. Возвышение реального над нереальным, необходимого над случайным вносит существенные изменения в традиционные сюжеты. В волшебнo-герoической сказке усиливается значение человеческой воли и действия, и сами подвиги героя становятся более психологически оправданными. Коргуев обычно придает сказочному герою черты обыкновенного человека и тем самым усиливает значение народной героики. Коргуевские сказки вводят сначала

в мир реальный, а потом, насытив слушателя земными впечатлениями, создав вполне правдоподобный образ героя-человека, переключают внимание на волшебнo-герoическую фабулу, на те необычные обстоятельства, в которых приходится действовать Иванам-царевичам и Иванам-крестьянским сынам. Возьмем для примера одну из любимых сказок Коргуева, которую он всегда рассказывал с особым желанием, — известную сказку об Ондрее-стрелце. Начинается эта сказка традиционным эпизодом: соколида, подстреленная Ондреем, превращается в Елену прекрасную. Обычно за этим эпизодом следует основной сюжет: царь дает Ондрею задания, Ондрей при помощи волшебных звероу и предметов выполняет задания царя. Отличие коргуевского варианта состоит в том, что Ондрей-стрелец, прежде чем отправиться в путь, не зная куда», проводит несколько дней в семейной обстановке, причем не с Еленой прекрасной, а именно с «Елочкой».

«Вот и стала она с ним жить. Пожили они неделю, она и говорит:

— Ондрей, ты, наверно бедно живешь?

— Да, как видишь сама.

Да. Вот она и говорит:

— Вот что, Ондрей, а есть ли у тебя такие знакомые, чтобы выручили на сто рублей, сходи и попроси. Вот, когда ты получишь эти деньги, то купи мне сто аршин шелку, а я из него буду шить ковер.»

Ондрей ходит к купцам, берет у них взаимы деньги, Елена в это время шьет ковер, на котором расписывает «лес, реки, озера, море, птиц и все на свете». Этот ковер продается на рынке. Его покупает царский денщик, потом денщик идет любоваться Еленой прекрасной, потом они идут вместе с царем посмотреть на жену Ондрея, замечая при этом: «У Ондрея жена хорошая, ну, патрет.» Все это напоминает семейно-бытовой роман, или, пользуясь удачным выражением Н. С. Лескова, «крестьянский амур в лапоточках». Подобные бытовые сцены, понятно, не предусмотрены традиционной сюжетной схемой волшебнo-герoической сказки. В коргуевских сказках бытовые детали и описания являются как бы преддверием к дальнейшему повествованию. Сама манера заросло рассказывать о герое, которому через несколько часов придется совершать разные подвиги, дружить

с волшебниками, биться с девятиглавым змеем, летать на лягушке-скакушке через огненную реку, доставать „то, не знаю что“, вполне объяснима стремлением сказочника сдвинуть волшебство-героический сюжет с действительностью, близкой и знакомой сказочнику. В волшебное путешествие Ондрей, муж Елены прекрасной, отправляется слишком по-будничному. Рассказывает Коргуев об этом легендарном путешествии — как будто «поле перейти». «Вот, ребятки, какое дело будет — нужно сбегать в два часа за тридцать земель» — говорит Ондрей своим слушникам. На поведение и психологию сказочного героя Коргуев несомненно переносит черты современного человека, заставляет его действовать и мыслить понятиями, близкими самому сказочнику. В некоторых сказках наряду с сохранением сказочной поэтической традиции отчетливо выражены практические моменты деятельности помора-рыбака и охотника.

В коргуевской сказке раскрываются два плана: реально-бытовой и героико-фантастический. Для Коргуева совершенно ясно, что сказка — складка, т. е. вымысел, но для него ясно и то, что за этим вымыслом скрываются чувства народа, национальные черты русского человека, его находчивость и смекалка, смелость и решительность. Поведение сказочных героев, способных совершать разные подвиги, выполнять самые невыполнимые задачи, особенно близко и дорого советским сказителям, нашей героической действительности. Отсюда понятно, что Коргуев стремится сосредоточить внимание на герое, желает всемерно подчеркнуть силу человека, несмотря на то, что решающая роль в выполнении того или иного замысла принадлежит его волшебным помощникам.

Волшебство-героическая сказка не только утратила психологию доисторического человека, но и окончательно разрешила проблему превращения сверхъестественных чудовищ в образы познаваемые и подвластные человеку. Многие из того, что считалось несокрушимым, теперь разрушено, многое из того, что считалось несбыточным, теперь создано, стало явью. Не случайно традиционный деревянный орел в сказке Коргуева заменяется двухместным аэропланом, чудесный корабль — подводной лодкой.

Обладая богатейшей памятью, прекрасно владея сказочным материалом, Коргуев проявил себя в беломорских сказках оригинальным сказителем, умеющим рас-

крашивать традиционные сюжеты новыми красками. Коргуевские сказки отражают самые существенные черты современного сказочного эпоса, эволюцию поэтического сознания в сторону более реалистических представлений. Но и здесь следует отметить, что при всем тяготении к бытовой обстановке, к реалистическим и психологическим описаниям, Коргуев остается верен классической традиции русской сказки, строго придерживается эпического закона — троекратности, бережно хранит поэтическую фантастику и сказочную обрядность. В этом отношении он отличается от В. О. Винокуровой, которая пренебрегает внешней мотивировкой и строгой последовательностью фабульного действия. В. О. Винокурову, по словам М. К. Азадовского, — «интересует не волшебство-фантастическая сторона, но исключительно только бытовая и психологическая», для нее «характерно некоторое, если можно так сказать, пренебрежение к сказочной обрядности». Коргуев, наоборот, проявляет живой интерес к сказочной обрядности, сам быт и психология героев его интересуют в пределах традиционного жанра и обстановке, типичной для волшебной сказки, со всеми ее аксессуарами. Бытовые картины и психологические характеристики Коргуев вводит не за счет сокращения фабульного действия и постоянных сказочных формул, а путем расширения сюжета и всей системы образов.

Волшебство-героические сказки Коргуева пользуются большой популярностью в госпиталях, среди бойцов и командиров, находящихся на излечении. Прочитав первую книгу «Сказок Карельского Беломорья» они непременно попросят библиотекаря принести вторую часть сказок. В госпитале, где начальником тов. Фесенко, сказки Коргуева никогда не залеживаются на полках, они переходят из рук в руки, читаются с интересом и получают самые лестные отзывы.

Из 78 сказок, вошедших в академическое собрание «Сказки Карельского Беломорья»¹⁾, в наш небольшой сборник вошло всего пять сказок: «Ондрей стрелец» (№—2), «Елена прекрасная» (№—7), «Иван Соснович» (№—11), «Шут» (№—32), «Илья Муромец» №—39).

1) Сказки Карельского Беломорья, том 1, Карельское Государственное Издательство, 1939 г. книга 1 и 2. Записи и вступительная статья и комментарий А. Н. Нечаева.

ОНДРЕЙ-СТРЕЛЕЦ

В некотором царстве, в некотором государстве жил дарь, и он был холост. Имел он стрельцов двенадцать у себя; и один был стрелок Ондрей, тот уж на лету в сокола попадал, тот уж числился как старший стрелок. И вот шесть дней работали они на даря, а седьмой лично для себя. Так он у даря прожил пять лет и все на одной работе. Ну, ему показалось — малый заработок, он хотел выйти прочь. Потом подумал: «Давай еще отживу этот месяц, схожу еще раз для себя охотиться, а потом выйду».

И вот он раз походит для себя, это как раз в седьмой день. Вышел, целый день ходил по лесу и никого он не видел.

Потом идет уж близко к городу, смотрит: сидит на дереве соколик.

— Ну, давай, стрелим хоть эту...

Выстрелил он в соколику, она упала. Он ее поднял и хотел свернуть ей голову. Ну, соколик заговорила человеческим голосом:

— Вот что, Ондрей-стрелок: не рви ты моей головы, а носи меня домой. Когда принесешь домой, сядешь чай пить и положи меня на окно. Потом брось за окно и увидишь, что будет. Хочешь — бери себе, а нет — так отдай людям.

Вот он стал чай пить, положил ее на окно, потом бросил за окно. И там образовалась девушка, что цветок.

И он на нее смотрит, слова промолвить не может. Она спросила:

— Ну, что же, Ондрей-стрелок, людям отдашь или себе возьмешь?

— Себе возьму.

— Ну, себе — так ладно, только умей держать.

Вот и стала она с ним жить. Пожили неделю, она и говорит:

— Ондрей, ты, наверно, бедно живешь?

— Да, как видишь сама.

Она и говорит:

— Вот, что, Ондрей, а есть ли у тебя такие знакомые, чтобы выручили тебя на сто рублей, — сходи и попроси. Когда ты получишь эти деньги, то купи мне сто аршин шелку, а я из него буду шить ковер.

Ондрей пошел сейчас к одному знакомому купцу.

— Вот — говорит, — дайте мне пожалуйста, двадцать рублей денег.

— На что тебе?

— Да сам знаешь — на нужду.

— На что тебе двадцать? На, я тебе дам сорок.

Он его поблагодарил и пошел к другому знакомому купцу.

— Вот что, друг, дай мне рублей двадцать денег, очень нужно.

— На что тебе, Ондрей? Вот я уж тебе дам сорок.

Он взял; у него уже восемьдесят, надо ему еще двадцать. Вышел он прочь; заходит к третьему купцу.

— Вот что, друг, выручи меня на десять рублей.

И тот дал ему двадцать рублей. У него стало сто. Когда он получил эти деньги, купил сто аршин шелку и приносит жене.

— Вот тебе, Елена Прекрасная, шелк я принес.

Она ему и говорит:

— У кого ты эти деньги брал: у одного купца или у трех, и по сколько они тебе давали?

— Я у первого купца попросил двадцать, а он мне дал сорок; у второго попросил двадцать, он мне дал сорок; у третьего — десять, а он мне — двадцать, — вот у меня и сто рублей.

— Вот, Ондрей, как будешь отдавать, давай тоже двояко: у кого просил двадцать, а он дал сорок — ты дай восемьдесят и так у всякого.

Так Ондрей выходит на работу на шесть дней, а она принялась за свою работу: начала шить ковер. Ондрей охотился шесть дней, в это время она сготовила ковер.

Ондрей приходит в субботу, а утром в воскресенье она подает ковер и говорит:

— Вот, Ондрей, иди на рынок и продай ковер, ну только цены не спрашивай, кто что дает, то и бери.

Берет он ковер и походит, она и говорит:

— Слушай, Ондрей, когда получаешь деньги — рассчитайся вдвойне, как они тебе давали.

Ондрей-стрелок берет ковер и пошел на рынок. Приходит на рынок, приносит ковер, развернул его и собралось народу смотреть этот ковер, что проходу уж не было. И цены никто не спрашивает, только смотрят. И этот ковер был так расписан: на нем был лес, реки, озера, моря, птицы, рыбы и все на свете. Вот все и стоят. Потом случилось ехать царскому денщику:

— Ну, что тут собралось, давайте дорогу!

Он на ходу протолкался и давай смотреть ковер.

Вот этот денщик смотрел-смотрел ковер, часа три, и очень он ему понравился, и стал спрашивать:

— Чей это ковер и сколько стоит?

Тогда подходит Ондрей к денщику и говорит:

— Этот ковер мой.

— А сколько он стоит?

— Сколько дадите, столько и возьму.

Тогда говорит царский денщик:

— Так вот, Ондрей, я тебе тридцать тысяч даю: довольно будет?

— Довольно.

Вынимает из кармана деньги, дает ему и пошел.

Ондрей подходит к первому купцу и дает ему восемьдесят рублей; купец спрашивает:

— Почему же, Ондрей, восемьдесят: я тебе сорок давал.

— Потому что я спрашивал у вас двадцать, вы мне дали вдвойне, так и я вдвойне платить буду.

Так и ко второму купцу, так и третьему. Эти купцы поблагодарили Ондрея, и приносят им остатки домой жене.

— Вот, Елечка, я тебе принес деньги.

— А сколько достал?

— Тридцать тысяч.

— Уплатил купцам?

— Уплатил.

— Ну, вот, Ондрей, видишь теперь мой заработок?

— Да, ничего.

— Ну, можешь теперь пожить и хорошо.

Когда этот царский денщик положил ковер на стену, и случилось в это время прийти молодому дарю к денщику и посмотреть этот ковер. Молодой дарь посмотрел ковер, он ему очень понравился. И стал спрашивать:

— Где ты, денщик, достал этот ковер, за сколько ты его купил?

— Я купил его на рынке и платил тридцать тысяч.

— У кого?

— У Ондрея-стрельца.

— Продай мне его, я тебе дам тридцать пять.

Он говорит:

— Пожалуйста, получай; а я схожу к Ондрею, новый закажу.

Получил деньги и вечером, часов в десять, приходит к Ондрею заказывать ковер.

Когда пришел к Ондрею, Ондрей уже ложился спать и двери были закрыты. Вот он подходит, постучал, Ондрей и говорит:

— Надо открыть, Елечка, наверно кто-нибудь из царских слуг; я пойду, оденусь. открою.

Она говорит:

— Ондрей, уж ты успокоился, разделся, — значит, спи, а я пойду сама открою.

Подходит к дверям и открывает. Вот когда она открыла двери, царский денщик посмотрел на нее, одну ногу через порог перенес, а другую не переносит, так и замолк, больше слова сказать не может. Она и начинает спрашивать:

— Зачем вы пришли, царский денщик, сам ли он вам нужен, Ондрей, или для дара? Вы сами знаете, он лег спать, а утром на работу выходить.

Ну, он все молчал. Долго она ждала его ответа, наконец, дожидаться не могла, повернула его за плечи и закрыла дверь. Он все молчал и пошел домой. Наконец, отошел сажень на сто и вспомнил: «Ах, я пошел ковер заказывать и забыл. Ну, у Ондрея жена хорошая, ну, и краса.

Когда он приходит домой, то в то же время приходит царь.

— Ну, как? Заказал ковер?
— Да нет.
— Почему?
— Ну, не до ковра мне было: такая у Ондreja жена хороша, я и не вспомнил себя. Вот так красавица!

Тогда дарь ему сказал:
— Ну ладно, я сам схожу, закажу ковер и посмотрю, что у Ондreja за жена.

Так молодой дарь пошел к Ондрею часов в восемь. Он приходит, а Ондрей уже разделся, ложится спать, двери, конечно, были закрыты. Когда застучали, он и говорит жене:

— Елена Прекрасная, надо открыть, я сейчас оденусь и схожу.

— Нет, нет, Ондрей, коли ты уже разделся, я сама схожу и открою.

Когда Елена пришла к дверям, открыла, дарь занес ногу через порог, увидел такую красавицу перед собой, так онемел и остановился.

Вот долго смотрела она на него, потом стала спрашивать:

— Что, ваше величество, какая просьба до Ондreja, скажите, пожалуйста, я жду. Сами знаете, Ондрею надо отдыхать и идти утром на работу.

Он сказать ничего не может, молодой дарь, все смотрел на нее.

Она поворачивает его за плечо.

— Идите же, ваше величество, коли не можете ничего сказать; Ондрею надо спать.

И он вышел. Когда он отошел немного места, опомнился: «Ай-ай, у Ондreja жена какая хорошая, во что бы то ни стало надо у Ондreja ее отнять или, может, добром отдам мне ее».

Приходит он домой, собирает своих бояр и начинает с ними разговоры:

— Каким путем у Ондreja жену отнять: казнить его нельзя. Насилу отнять жену — нельзя. Ну, одним словом, надо придумать какую-нибудь службу.

И все были согласны, чтобы дать ему службу, чтобы он от своей жены отказался, или отдал ее добровольно через эту службу. Вот и начинают думать. Долго они думали, но ничего придумать не могли. Наконец, взялся

один вельможа за трои сутки придумать службу за десять тысяч.

Царь вынимает деньги и дает ему наказ.

— Если ты не придумаешь, то на третьей сутки голова долой, — и с теми словами вышел из комнаты.

Этот вельможа думал двое суток, ничего придумать не мог.

На третьей сутки пошел в лес. «Придумаю, так придумаю, нет — так повешусь: все равно моя голова долой».

Вот идет он по лесу грустный, печальный и ничего не может придумать, а уж дело к вечеру, и являться незачем. И вдруг смотрит — идет ему навстречу старушка и говорит ему:

— Что, мужичок, задумался?

А он отвечает ей грубо:

— Что тебе от меня нужно?

Попрошел немного, одумался: «А вот что: надо, пожалуй, спросить старушку, может, она что знает».

— Прости, бабушка, дерзкое слово, может, ты знаешь, что я думаю?

— Вот что, милый, вперед бы так: старых людей не обегай. Поди, скажи дарю: пусть пошлет Ондreja за тридцать земель, за тридцать морей, в тридцатое царство, на остров Буян, принести овечку-золоту головку. Дать ему судно текущее и команду пьющую, он туда уйдет — назад не придет, и сроку ему на четыре месяца, не более: откажется от своей жены.

Тогда этот вельможа поблагодарил бабушку и говорит:

— Спасибо, сейчас пойду.

Вельможа приходит к дарю и говорит:

— Ваше величество, я придумал. Дать Ондрею службу такую: пусть сходит Ондрей за тридцать земель, за тридцать морей, в тридцатое царство, на остров Буян, принесет овечку-золоту головку. Дать ему судно текущее, команду пьющую, он туда уйдет, назад не придет.

Вот дарь тогда сказал ему:

— Ну, спасибо.

Сейчас посылает слугу за Ондреем.

— Позвать его, что он мне скажет?

Да, приходит слуга, объявил Ондрею, что дарь звал. Он думает.

— Зачем меня дарь звал, — говорит Елене Прекрасной, — не знаю.

Говорит Елена:

— Вот что, Ондрей, иди к дарю, есть тебе служба, я знаю. Когда придешь к дарю, он тебе скажет: «Вот что, Ондрей, отдашь свою жену, — не дам тебе службы и не скажу, если не отдашь — вот тебе служба». Ты и скажи ему: «Ладно, грузите корабль вином и хлебом». И радись с ним, не соглашайся меньше четырех месяцев итти.

Вот Ондрей пошел к дарю. Приходит к дарю, поздоровался.

— Вот что, Ондрей, какое дело. Отдай жену, если не отдашь — вот тебе служба.

Отвечает Ондрей дарю так:

— Я женился, ваше величество, для себя, а не для людей, и не согласен жену отдать; грузите корабль вином и хлебом.

Обрядились с ним сроком на четыре месяца.

— Если не привезешь, то твоя голова с плеч, — так дарь поставил.

— Ну, — думает Ондрей, — не доносить мне головы, не достать мне за четыре месяца ничего.

Приходит он домой и залился горькими слезами.

— Ну, Елочка, больше мне тебя не видать!

Она ему и отвечает:

— Слушай, Ондрей, это не служба, служба будет впереди. Поедешь, ложишься спать, а утро вечера мудренее.

Вот они поужинали, легли спать. Поспала, поотдохнула она до полночи, потом встала, вытащила из кармана волшебный платок и махнула им. Выскочило три молодца.

— Чем тебе послужить, Елена Прекрасная?

— Вот, ребятки, какое дело будет. Нужно сбегать в два часа за тридевять морей, за тридевять горей, в тридесятое царство, на остров Буян, принести овечку-золоту головку.

Вот ребятки через два часа принесли овечку-золоту головку.

Она берет ее, запаковала в ящик и ложится спать. Поспали они до шести часов. Елена встала первая, самоварчик согрела и стала будить.

— Ондрей, вставай, надо попить, поесть и пойти в дорогу.

Ондрей попил, поел, собрался в дорогу и заплакал:

— Елочка, досвиданья, мне больше тебя не видать!

— Ондрей, не плачь, ты думаешь — дарь меня возьмет? Нет, не видать ему меня, как своих ушей.

Она подает ему ящик.

— Вот, Ондрей, бери этот ящик. Когда придешь на корабль, пройдет два месяца, будет тихая погода. Во время тихой погоды напой всю команду пьяной, чтобы ни одного трезвого не было, и поворачивай судно. Когда придешь обратно — ну, знай, что в этом ящике овечка-золота головка, — и подашь дарю.

Вот стал он прощаться и заплакал. Она вынимает платок из кармана, обтерла ему слезы и говорит:

— Ну, Ондрей, иди, ничего не бойся, я никуда не денусь.

Ондрей пошел на пристань. Приходит на пристань — корабль уже совсем готовый. Садится на корабль и пошел по морю.

Когда только Ондрей ушел, то отправил дарь своих слуг к Елене Прекрасной. Долго они искали, перерыли весь дом, и половицы поднимали, — ну, найти не могли, и решили, что Ондрей взял ее с собой.

Вот Ондрей шел по морю целых два месяца, потом пал штиль. Он и говорит:

— Да, что, ребята, по случаю хорошей погоды выпьем все вместе.

И началась у них попойка. Когда он их всех напоил, было тихо на судне, он зашел за руль и потихоньку поворотил судно. Была поветерка. Он говорит:

— Вот, что, ребята, можете ли кто стать за руль?

— Слушай, Ондрей-стрелок, встать-то мы можем, только голова болит.

— Ну, что же, надо опохмелить.

Попили они немного и опять пошли вперед, и продолжают плыть.

Вот они плывут, погода очень хорошая, поветерка. Когда они приплыли в свое государство, его и спрашивает команда:

— Ну, Ондрей-стрелок, где мы были, зачем мы ходили, как мы все пили, зачем мы вернулись в свое государство, достали ли то, зачем ходили?

А он отвечает:

— Да как, ребята, неужели вы не помните?

— Да как помнить, когда все пьяные были.

— Достали.

— Ну, слава богу.

Выходят они на пристань. Когда только вышли на пристань, то встречается им царь, сабля в руке, идет Ондрию навстречу и говорит:

— Ну, что, Ондрей, достал?

— А вот, можете посмотреть, — дает ему ящичек.

Царь взял и пошел домой, а Ондрей тоже пошел домой.

Когда он подходит только к дому, то Елечка выбегает на крыльцо, обняла его, поцеловала и заходит в комнату, уже самовар был готов. Садятся чай пить, Елечка и спрашивает:

— Ну, как, Ондрей, сходил?

— Ничего, хорошо.

— Еще тебе придется идти второй раз.

Вот не прошло два дня, когда царь узнал, что у Ондрея жена дома.

— Во что бы то ни стало надо от него жену отнять. Призвал этого вельможу, чтобы придумать ему другую службу.

— Хорошо, ваше величество, я скоро придумаю.

И походит опять эту старушку разыскивать. Идет лесной дорогой. Как только увидел эту старушку, сразу остановился.

— Ну, как, друг, сходил Ондрей?

— Да, сходил.

— Ну, Ондрея обмануть не хитро, вот его жену не скоро обманешь.

— Ну, вот, придумай, бабушка, ему другую службу.

Бабушка отвечает:

— Ладно, я уже придумала. Пушай Ондрей опять, сходит за тридевять земель, за тридевять морей, в тридцатое царство, на остров Буян, принесет свинку-золоту щетинку. Дать ему команду пьюшу, судно текуше. Он туда уйдет, назад не придет.

С теми словами пришел вельможа к царю:

— Ну, ваше величество, опять придумал. Пушай Ондрей сходит за тридевять земель, за тридевять морей, в тридцатое царство, на остров Буян, принесет свинку-золоту щетинку. Дать ему команду пьюшу, судно текуше. И срок дать на четыре месяца, не больше.

В скором времени призывают Ондрея к царю. Он и говорит Елене:

— Опять что-то, какая-то беда за меня заводится, опять к царю зовут.

Она и говорит:

— Скажи царю, пусть грузит опять корабль вином и хлебом. Сам знаешь — взял ты меня для себя, а не для людей, умеи хранить.

Вот он выходит. Приходит, конечно, к царю. Приходит и говорит:

— Что вам нужно, ваше величество, от меня?

Царь и говорит ему:

— Слушай, Ондрей, куда ты жену причесешь, как уходишь?

— Она у меня дома.

— Отдай мне ее, а то я опять дам тебе службу.

— Нет, — отвечает, — не отдам. Я женился для себя.

— Так вот, коли ты мне не отдашь, то я тебе даю службу. Сходи за тридевять морей, за тридевять земель, в тридцатое царство, на остров Буян, принеси свинку — золоту щетинку. Дам тебе срок на четыре месяца. Не принесешь — твоя голова с плеч!

Ондрей отвечает ему так:

— Что же, ваше величество, грузите вином и хлебом корабль, я буду готов.

С теми словами Ондрей вышел из дворца. Когда он приходит домой, Елена спросила его:

— Ну, что, Ондрей?

— Да опять служба, куда и раньше.

— Ну, ладно, Ондрей, не печалуйся, утро мудренее вечера. Это еще все, Ондрей, не служба. Вот будет третья служба, вот на этой службе придется задуматься.

Тогда они поужинали, улеглись спать. Спала она до двенадцати часов, в двенадцать часов встает, вытаскивает волшебный платок, махнула им, появились три молодых, поклонились ей:

— Что, Елена Прекрасная, прикажешь делать?

— Вот, что, ребятки, надо сбежать в два часа в тридцатое царство, в тридцатое государство, на остров Буян, принести свинку — золоту щетинку!

Ребятки поклонились, побежали. Не прошло даже двух часов, ребятки прибежали, притащили эту свинку. Она берет свинку, заковавала ее в ящик и легла спать. Встала в шесть часов, согрела самоварчик и стала Андрея будить.

— Вставай, Андрей, надо попить, поесть, в путь-дорогу отправляться!

Вот Андрей чаек попил, стал одеваться и заплакал:

— Ну, Елочка, наверно мне тебя не видать!

— Не плачь, Андрей, ничего не будет.

Когда он оделся, она подает ему ящик:

— Ну, вот, Андрей, тебе тут ящик, а в нем свинка — золотая щетинка. Через два месяца наной команду, поверни корабль и приходи обратно. А тебе ходить не надо. Все у тебя в ящике.

— А тебя уж царь найдет?

— Нет, не найдет, не видать ему меня, как своих ушей.

И так Андрей отправился на корабль.

Приходит, садится на корабль, и так отправились в путь.

Как Андрей уехал, царь отправился к нему домой, все перерыл, полы поднял, печи разворотил, перевернул все на свете. — Ну, нет ее, наверно, — думает, — Андрей с собой ее взял.

Вот Андрей плывет, плыли они два месяца, до тех пор, пока не сделался штиль. Когда стихла погода, он наполнил всю команду, и когда все уснуло, он заходит за руль, поворачивает руль и начал будить команду.

— Вставайте, друзья, кто-нибудь поправить, если можете. — Они отвечают:

— Поправить-то хорошо, хозяин, да голова болит.

— Ну что-ж, опохмелитесь.

Теперь стали подвигаться к своему государству. Вот и свое государство. И стали спрашивать:

— Ондрей-стрелец, так достали ли мы то, за чем ходили?

— Так неужели вы не помните?

— Да как помнить, когда пьяны все были.

— Достали.

Вот когда они приплыли, вышли все на пристань, идет молодой царь с мечом и спрашивает:

— Ну, как, Ондрей, достал?

— Достал, можете получить, ваше величество. Исполнил.

И пошел домой. Только приходит к дому, Елена выскакивает на крыльцо, поцеловала его и ведет в комнату. Уже самовар гогов, сели за стол. Вот пьют чай, она и спрашивает:

— Ну, как, Ондрей, сходил?

— Да ничего, хорошо.

— Ну, ладно, и вперед так будет.

Не прошло и двух дней, царь уже узнал, что у Ондreja жена дома. Разыскал этого вельможу, чтобы придумать третью службу и во что бы то ни стало огнать у Ондreja жену. Вот разыскали этого вельможу и говорит ему царь:

— Вот что, друг, придумай-ка еще третью службу Ондрею.

Он отвечает:

— Хорошо.

Придумать ему недолго, он уже надеется на эту старушку.

Пошел вельможа опять лесной дорогой. Долго он шел, встречает эту старушку.

— Здравствуй, бабушка.

— Здравствуй, сынок.

Она спросила его:

— Ну, как Ондрей, исполнил?

— Исполнил.

— Гм, Ондрей обмануть недолго, ну, его жену не обманешь. Ну, ничего, теперь я все-таки придумала, разлучу его на семь лет с женой.

И говорит ему:

— Вот иди к царю и говори так: «Пусть Ондрей сходит туда, не знай куда, и принесет то, не знай что». И срок ему дай неопределенный, ну — не меньше семи лет. Может, он и не вернется. А в это время царь может жениться на Елене Прекрасной. (Она-то не знает, что Елена скрывается).

Сейчас этот вельможа приходит к царю и докладывает.

— Вот, ваше величество, пусть Ондрей сходит туда, не знай куда, и принесет то, не знай что. И дайте ему срок неопределенный. А в это время вы достанете жену.

Царь услышал эти слова от вельможи и в нетерпении

послал за Андреем. Когда пришел посол, то велел Андрею прийти к царю, немедленно его звал. Андрей ответил:

— Хорошо.

Говорит опять Елене Прекрасной:

— Что-то, Елечка, наверно, у царя опять есть дурное.

— Да, наверно опять служба. Ну, от службы не отказывайся, берись, а там видно будет.

Когда Андрей приходит к царю, то царь заводит его в особую комнату и начинает его угощать вином: думает его напоить пьяным, чтобы он скорее согласился. Но жена его предупредила:

— Смотри, Андрей, водки не пей.

Андрей не отказался, пошел с ним за стол. Сел, выпил одну небольшую стопочку, начинает ему царь говорить:

— Вот, Андрей, слушай: отдай мне жену, а тебя я женю на генеральской хорошей дочке, и будешь ты счастливо жить без лишних хлопот, а то опять даю тебе службу большую.

Андрей ни на что не соглашается, ни на какие уступки, и сказал:

— Я лучше пойду, нежели отдам жену.

И отказался от водки совершенно.

— Тогда знаешь что, Андрей, я даю тебе службу: сходить туда, не зная куда, принести то, не зная что. Даю срок неопределенный, если ты не принесешь, вернешься, то голова с плеч.

Андрей приходит домой грустный, печальный, со слезами на глазах.

Елена спросила Андрея:

— Что ты плачешь?

— Как, Елечка, не плакать, дали такую службу: сходить туда, не зная куда, принести то, не зная что.

Она ответила ему:

— Слушай, Андрей, не печалуйся, попей, поешь и ложись спать, а утро вечера мудренее, к утру все выяснится.

Пужинали, легли спать. Она поспала немного, встает, берет волшебную книгу в руки, начинает искать, где то, не зная что. Долго она искала, найти не могла; бросила она волшебную книгу, берет волшебный платок. Трахнула, выскочили три молодца.

— Что, Елена Прекрасная, прикажешь?

— Вот, ребятки, не знаете ли, где то, не зная что?

Один говорит — я не знаю, другой — я не знаю, все, как в одно слово. Она спрятала платок в карман, берет большой моток шерсти, начала вить на клубок. Свила она большой клубок, чуть могла взять его, вынесла на улицу и поставила на крыльцо. Так провела она время до шести часов утра. Поставила самоварчик, начала будить Андрея:

— Вставай, Андреюшко, друг дорогой, уж готова тебе работа, путь-дорога дальняя!

Вот они сели, чай попили, она и говорит:

— Вот, Андрей, на крыльце есть клубок. Этот клубок покатится по дороге, и ты за ним иди. Пока этот клубок катится, все иди, до тех пор, пока клубок кончится, нитка растянется по дороге, там ты увидишь дворец. В этот дворец и иди, там тебя встретят.

Вот Андрей собирается. Собрала она ему сумочку с собой, торбочку, и он заплакал:

— Ну, Елечка, больше мне тебя не видеть, не знаю, куда я пойду!

— Не думай, Андрей, ни о чем, царь меня не возьмет, я буду тебя ждать; конечно, долго не увидимся.

Вдобавок она ему еще говорит:

— Вот тебе сумочка. Когда придешь во дворец, там тебя встретят, накормят, напоят, спать уложат. Когда на утро встанешь, будешь умываться, тебе принесут полотенце, ну, ты в их полотенце не вытирайся, достань из сумочки свое и утрись.

Вот он собрался совсем, пора уходить, ему очень было ее жалко, заплакал.

Она его стала утешать, утерла слезы платком и вместе вышли на крыльцо. Он вышел на дорогу и клубок впереди его покатился. И так Андрей отправился в путь дорогу.

Вот, как узнал царь, что Андрей ушел, сейчас и выставил около его дома караул, стал обыскивать весь дом, но найти Елену не мог; наконец, осерчал, сжег весь дом.

И дальше продолжает Андрей свою дорогу. Ну, клубок катился, катился и все меньше и меньше стал. Скучно Андрею идти, все думал о Елене Прекрасной. Вот все шел и шел, продолжал свою дорогу, клубок стал маленький, с куриной головочку. Стало Андрею скучно, никакого жилья нет. Чем клубок стал меньше, тем Андрею скучнее. Вот уже до чего клубок стал маленький, что его

уже незаметно на дороге, нитка растянулась вдоль дороги. Ондрей поднял глаза, смотрит, — стоит дворец, подходит он ко крыльцу, к парадному. Когда он подходит к крыльцу, то по лестнице к нему сбегают две девушки, обе точь в точь, как его Елечка, но он не осмелился им сказать. Берут его за руки и ведут во второй этаж.

Вот когда они его привели, сейчас накрыли столы скатертями бранными, наливки — наливки поставили, вина заморские. Напоили, накормили и уложили его спать на перину пуховую. И сами ушли. Он проспал эту ночь. Утром прибегают в восемь часов, булят его. Ондрей, конечно, встал, принесли ему воду умыться, принесли полотенце. Ондрей умылся. Подают ему полотенце.

— Нет, девушки, у меня есть полотенце свое дорожное.

Достаёт полотенце из торбочки, только что успел накрыть полотенцем лицо, одна из них хватя это полотенце и убежала, и другая вслед. Ондрей остался стоять в великой печали, думает:

— Что мне теперь будет, как же она мне велела обтираться в свое полотенце.

Вот эти девушки приносят полотенце к матери, говорят:

— Знаете что, мама, ведь наш зять Ондрей пришел.

— Ага, знаю, знаю, зачем он пришел.

Это ее было полотенце: вот из-за чего Елена велела утираться в полотенце, — чтобы они знали, кто он есть и зачем идет.

Старуха вскочила со стула, вместе с дочками придти к нему:

— Здравствуй, зять!

— Здравствуй, здравствуй, матушка.

— А я знаю, зачем ты пришел: хочет царь мою Елечку взять. Ого, это не выйдет ему, а я тебе помогу в твоём деле. Поживи у меня несколько суток. Ишь он, что задумал, молодой царь, — мою Елечку взять. Пусть он, пусть ее ищет хоть сто лет, не найдет.

Так Ондрей сел за стол, начал кушать и успокоился. Вот она и говорит:

— Ладно, зять, побудь у меня трое суток, а я пошщу.

И уходит. Берет волшебную книгу в руки и стала смотреть, где это то, не знай что. Смотрела она долго, бросила книгу и схватила себя за волосы, не могла найти.

Думала, думала и говорит:

— Наконец, придумала.

Берет два голика и полетела по воздуху. Летала сутки и обратно прилетела — найти не могла. Берет волшебную книгу, опять начинает смотреть. Смотрела, смотрела, найти не могла, бросила книгу и начала думать. Думала часов восемь и сказала:

— Вот теперь я придумала, узнала, где оно есть.

Скокушка-бабушка живет в болоте триста лет, она наверное знает, полечу-ка я к ней.

Берет два голика и полетела.

Прилетела она к скокушке-бабушке в болото и спросила:

— Знаешь, скокушка-бабушка, где то, не знай что?

— Знаю, — говорит.

— Так скажи.

— Нет, не скажу. Тогда я скажу, когда ты меня провесишь до огненной реки в парном молоке, тогда я тебе скажу, а раньше не скажу.

Берет она скокушку и приносит к себе. Берет кувшин молока и начала парить. Вот когда она попарила, посадила эту бабушку-скокушку, лягушку то-есть, и приходит к своему зятю:

— Ну, зять, одевайся, поедешь, дам я тебе своего коня.

Оделся наш Ондрей-стрелок, и выводит теща своего коня. Потом говорит:

— Вот лети на этом коне до огненной реки, а у огненной реки коня уже не будет, и спрашивай у бабушки, как попасть дальше.

Когда он доехал до огненной реки, коня у него уже не стало, остался один кувшин, и стал он за ниточку эту скокушку из кувшина вытягивать. Вытащил скокушку, она ему и говорит:

— Садись, Ондрей, на меня, пока не поздно.

А он ей и говорит:

— Что ты, бабушка, эка маленькая, я тебя задавлю.

— Ну, садись!

Долго он мешкал, не садился, наконец:

— Ну, ладно, слуху.

Сел, и эта лягушка стала подниматься вверх, вверх и стала выше лесу и все его втягивала в себя, только видна одна голова.

Вот она и заговорила:

— Ну, держись крепко!

Как лягушка скочит, так и прыгнула через огненную реку. Выпустила она его.

Он начинает ее спрашивать:

— Да где же, бабушка, есть то, не знай что?

— То-то, если бы ты не спросил, так и не узнал. Теперь я тебе скажу.

Вот начинает бабушка:

— Вот где то, не знай что живет: или по этой дорожке, долго тебе, конечно, покажется идти, ну, иди. Увидишь дом — не дом, сарай — не сарай, помещение — не помещение; заходи в него, дом совершенно пустой, весь развалился, только одна печь. Зайдешь в этот дом и становишься за печь. Зайдут два молодца и скажут: «Сват Наум, попить, поесть». Заиграет музыка разная, накроются скатерти бранные, наливки-наливки, вина заморские. Вот ты до тех пор стой, пока они не уйдут и комната будет совершенно пуста. Тогда выходи и говори: «Сват Наум, попить, поесть». И тебе то же самое будет.

Старушка ему еще сказала:

— Когда будешь пить и есть, то угости свата Наума рюмочкой, тогда он от тебя никуда. Это будет то, не знай что.

Это все рассказала бабушка-старушка-скокушка. Он поблагодарил ее и сам отправился в дорогу. Вот идет он долго, наконец, увидал: дом — не дом, сарай — не сарай. Заходит в него, — совершенно пустой, развалился весь, одна печь. Вот видит: приходят два человека молодых, сейчас сказали:

— Сват Наум, попить, поесть!

И откуда ни возьмись — накрылись скатерти бранные, наливки-наливки, вина заморские. Вот они сели за стол, поели, попили и ушли. Тогда Ондрей вышел из-за печки, тоже сказал:

— Сват Наум, попить, поесть!

И откуда ни возьмись, накрылись скатерти бранные, наливки-наливки, вина заморские, водочка и рюмочка, и все на свете. Вот он сел за стол и начал есть и говорит:

— Сват Наум, нельзя ли вторую рюмочку?

Сват Наум, подает вторую рюмочку.

— Сват Наум, угостись второй рюмочкой от меня, дорогого человека.

Сват Наум выпил рюмочку и заговорил:

— Ну, Ондрей-стрелок, ты меня угостил рюмочкой, уж я от тебя никуда. Я двух дураков кормлю тридцать лет, а от них еще горелой корки не видал.

Ондрей его угощает и говорит:

— Сват Наум, покажись!

— Нет, — говорит, — я есть такой дух, что меня никто не видит, я есть то, не знай что.

Вот Ондрей выпил, поел и стал собираться.

— Ну, что, сват Наум, пойдешь со мной?

— Конечно, я всегда за тобой.

— Куда?

— Ну, пойдем.

Долго Ондрей шел по дороге и все спрашивает:

— Сват Наум, ты есть?

— Есть, я от тебя никуда.

Наконец, приходит Ондрей к морю. Пришел он к морю и говорит:

— Сват Наум, а куда мы сейчас пойдем?

— Погоди, Ондрей, сейчас приплывет корабль, и мы поплывем на нем.

Вот откуда ни возьмись — корабль, приплывает шлюпка и перевозит Ондрея на корабль. Когда вступил он на корабль, то спросил:

— Сват Наум, ты есть?

— Есть, есть, я от тебя никуда.

Ну, на корабле не было никакого человека.

— Как же, сват Наум, у нас людей нет, кто у нас будет править? Нет ни штурманов, ни матросов.

Сват Наум сказал:

— Ложись спать, а я один управлюсь.

Вот Ондрей лег, поспал, встает. Говорит ему сват Наум:

— Ну, Ондрей, приплывем мы к одному острову, и на этот остров мы высадимся, поселимся то-есть.

Вот они приплывают к одному острову. Сейчас спускается с корабля лодка, перевозит их на остров, а уж корабль исчез.

Они заходят на остров, остров стоял на море. Сват Наум и говорит:

— Вот что, Ондрей, на этом острове мы построим дворец и обнесем садами. Мимо острова пойдут три корабля, они зайдут к нам в гости.

Сейчас же сват Наум построил дворец, обнес садами вокруг, начали жить. И говорит ему сват Наум:

— Через два дня приплывут сюда три корабля. И они такой редкости еще не видали, ходят тридцать лет мимо этого места, а жизнь здесь не видали. И они как раз тут остановятся и придут к нам. На этих кораблях у капитанов есть три вещи: диковинки, которые нам нужно захватить с собой в обмен на меня. Они согласятся, а я от тебя никуда. Когда мы их напомним, накормим, подождем пьяненькими, они будут хвастать своими диковинками, и будут спрашивать у тебя: «Что у тебя за сват Наум?»

Вот как раз несколько времени проходит, и плывут три корабля. Сошлись все вместе и стали дивиться:

— Что такое, тридцать лет плавали, такой диковинки не видали. Кто-то приехал сюда, построил дворец, надо посмотреть.

Вот они остановились—все три корабля, все капитаны с маторами, штурманами, опустили лодки и поехали на гору.

Вот они приехали на гору, и заходят в этот дворец. Их Ондрей-стрелок встретил и сказал:

— Сват Наум, попить, поесть, угостить моряков,—скатерти бранные, наливки, наливки разные, заморские вина!

И это все было сделано. Сели гости за стол. Когда стали водочку выпивать, охмелились порядочно. Вот и начинают у него спрашивать:

— Что у тебя, Ондрей-стрелок, есть за сват Наум? Какой он человек и давно ли поселился здесь на острове?

Он тогда им говорит:

— Это есть сват Наум—мой друг, он исполняет все мои приказания, и куда он хотел поселиться, туда бы с ним я и уехал.

— А что он за человек, как бы его посмотреть?

— Я не знаю, я и сам не видал его, он есть такой дух, что его никто не видит.

Когда напились эти гости, стали хвастать. Один капитан говорит:

— Да, Ондрей, у меня тоже есть диковинка: у меня есть топор, подойду к дереву, скажу: «Топор, тяп-ляп и сделайся корабль». И в ту же минуту будет.

Тогда заговорил второй из капитанов:

— Да, у тебя вещь хорошая. А у меня есть сабля такая: если приду к берегу и ударю вдоль воды, то делается мост хрустальный. И если залучу работу дворец, то иду на хорошую площадь, три раза обернусь вокруг сабли и делается такой дворец, какой только прикажу.

Тогда говорит третий капитан:

— Есть и у меня вещь хорошая. Есть трубочка такая: выйду я на поле, свистну, и делается войска столько, сколько захочется, что прикажу, то они и будут делать.

Когда все капитаны объяснили свои истории, сват Наум и говорит Ондрею, зашептал на ухо:

— Слушай, Ондрей-стрелок, меняйся на меня, все эти вещи нам нужно, а я от тебя никуда; они согласятся.

Ондрей-стрелок и говорит капитанам:

— Вот что, товарищи-капитаны, давайте менять, я вам отдам свата Наума, а вы все эти вещи.

Капитаны подумали, поговорили между собой и, наконец, сказали:

— Ладно.

И так решили:

— Давайте, сделаем так: илеме домой, привезем своих жен и будем жить на острове, а сват Наум нас будет кормить, работать нам ничего не надо.

Сейчас же отправились на корабли за вещами. Когда приехали на корабли, взяли вещи, и приехали опять на гору. А в это время сват Наум и говорит Ондрею:

— Когда они приедут, ты их встречай, напой их пьяными, а сам забирай вещи и иди на конец острова.

Вот когда они приходят, капитаны эти сели за стол и пошла у них попойка.

Эти капитаны отдают ему вещи, а он говорит свату Науму:

— Ну, сват Наум, ты теперь оставайся с капитанами, служи им, как и мне служил, а я ухожу.

Распростился, получил вещи и пошел. Немного отошел и спросил:

— Ну, сват Наум, ты есть?

— Я давно за тобой, а вот ты подожди, они немного попьют, потом заснут. Проснутся на голых камнях, больше ничего там не будет.

Капитаны эти до тех пор пили, пока не заснули.

Проснулись, вскочили, остались на голых камнях, нет ничего: ни дворца, ни садов, Ондрея и след простыл.

Когда Ондрей пришел в конец острова, и спрашивает свата Наума:

— Ну, сват Наум, что будем делать?

— Кажется, ты сам теперь знаешь. У тебя есть топор?

— Есть.

— Ну, строй корабль.

Ондрей скоро отыскал дерево, ударил топором:

— Ну, тап-ляп, сделался корабль.

В ту же минуту корабль был готов, уже стоял на воде.

Теперь он говорит:

— Ну, как же мы, сват Наум, теперь попадем на корабль?

— Ну, у тебя же есть вещь?

Берет саблю, ударил вдоль воды, сделался мостик. Перешли они на корабль, — убрали мостик, и поплыли они на корабле.

Вот они плыли, долго ли, коротко, близко ли, далеко, и все плывут и плывут. Приплывает Ондрей в то же государство, из которого он вышел. Когда они приплыли на рейд, Ондрей берет саблю, ударил вдоль воды — образовался мостик. Встали они, пошли на гору. Вышли на берег, идут по городу. Ондрей идет к тем жилищам, где была его комната. Когда взглянул на то место, то оно было сожженное все, на этом месте трава уже выросла.

Он взглянул и сказал:

— Ну, верно, погибла моя Елечка, сжег безумец!

Тогда Ондрею было делать нечего, он стал спрашивать свата Наума:

— Что мы теперь, сват Наум, будем делать?

Сват Наум ответил ему:

— Строй дом, и найдется твоя Елечка.

Тогда Ондрей-стрелок берет саблю, обернул вокруг себя и говорит:

— Ну, постройся мне дворец, даже в три раза лучше царского!

И в эту же минуту дворец построился с надписью серебряной: «Ондрей-стрельца». Когда он увидел, что построен был дворец такой великолепный, то он с радостью пошел во второй этаж и начал ходить по комнатам. Наконец зашел в спальню. Когда он зашел в спальню, открыл занавеску, то смотрит, — Елечка спит на кровати. Он побудил ее, она открыла глаза, вскинулась и давай целовать его и сказала:

— Тебя ли я вижу, милый мой стрелок Ондрей?

— Меня, — ответил. — Пойдем сейчас в залу, привальный сделаем обед, и я обскажу все путешествие.

Когда они зашли в залу, садятся за стол, то она и спросила:

— Ну, достал ли, Ондрей — стрелец, то, не знай что.

Он говорит:

— Ну-ка, сват Наум, — попить, поесть, повеселиться, накормить себя, меня и мою жену!

Вот она и начинает спрашивать:

— Сват Наум, кто ты такой есть, покажись-ка мне.

— Нет, Елена Прекрасная, я сроу никому не показывался. Я есть такой дух, меня никто не видит: я есть то, не знай что.

Больше она спрашивать не стала. Теперь спрашивает Ондрей:

— Так как, сват Наум, что же мы теперь делать будем, к царю ли пойдем, или у меня будешь жить?

Отвечает сват Наум:

— Нет, Ондрей, я к царю не пойду, царь меня не достал, а достал ты, Ондрей-стрелок, и тебе я служить буду. А с царем расправился иначе.

Вот говорит ему сват Наум:

— Ну, Ондрей, бери трубочку, вроде табакерочки, и пойдем в поле. Когда придем в поле чистое, свистни однажды.

Так Ондрей берет трубочку и выходит в чистое поле. Пришел на поле, в трубочку свистнул, — и появилось столько войска, что он и числа не знает.

Прискакивают к нему главные атаманы, поклонились в пояс.

— Что тебе надо, Ондрей-стрелок?

Он не знает, что им сказать. Тогда говорит сват Наум Ондрею:

— Прикажи им в город паить холостыми снарядами и вели вызвать царя самого или пусть присылает войско.

Когда царь услышал такую опасную тревогу, то уже он растерялся и сам не знает, что делать. Присылает двадцать пять человек солдат в разведку, узнать, какие пришли войска и что им надо. Когда приехали эти солдаты, Ондрей спросил:

— Сват Наум, что нам с этими солдатами делать?

— А вот что: привязать двадцать человек волосами к траве, а пять отправить обратно, мол, столько нам не присылай. Присылай или войско, или приезжай сам.

Так и сделали. Двадцать привязали, а остальных отправили с ответом.

Когда солдаты обратно вернулись к царю, обсказали

такую тревогу, царь очень задумался, не знает, что ему делать. Наконец, решил ехать сам.

Когда приехал царь на поле, Ондрей-стрелок уже ждал его и говорит свату Науму:

— Сват Наум, что же мы будем сейчас принимать с царем?

Отвечает сват Наум:

— По-моему, с ним поступить просто: казнить его, а тебе поступить в царство.

Отвечает Ондрей:

— Нет, сват Наум, казнить я не намерен, зла поминать, а с ним лучше что другое сделать. Посмотрим, что он будет говорить.

Когда царь подошел к Ондрею-стрелку, то очень испугался и стал просить помилования.

— Ондрей-стрелец, что хочешь делай со мной, но только моей головы не казни.

И увидел громадное войско.

— Мне не надо от тебя ничего, что ты принес. Мне ничего не надо, только не казни меня!

— Ну, ладно.

— Отдам я тебе престол, становись на престол, а я сойду.

Ну, он тогда сказал царю:

— Ну, ладно, оставляю я тебе жизнь, но будешь сорок лет в пастухах.

Потом свистнул два раза в трубочку, войско все унесло. Вот они зашли в царские палаты, царь спокойно сдает ему все дела и сам поступил в пастухи. Тогда Ондрей-стрелец взомел на престол и стал играть свадьбу.

Когда эта свадьба окончилась, тогда стал он этим царством править до глубокой старости.

ИВАН СОСНОВИЧ

В некотором царстве, в некотором государстве жил был крестьянин. Жил он ни богато, ни бедно, а так средне. И жил он вдвоем со старухой. И вот все им жить было хорошо, только не было никого детей у них.

В одно прекрасное время старуха и говорит:

— Слушай, старичок, у нас нет детей и не будет, а я вот слышала в одном месте, как можно достать детей.

— Ну-ка говори, бабушка, как можно достать детей, как мы уже стали стары?

— Вот как: сходи в лес, да вырубь кусок сосны и сделай из сосны парня, и вот привнеси его мне, а я положу в зыбку и буду качать три года, и вот родится у нас парень. Вот поверь мне, а я слышала, испытала.

Вот старик послушал ее, пошел в лес и сделал из сосны парня. Принес ей.

— Ну, старуха, на, не лень, так качай три года.

— Уж я постараюсь, буду.

Вот старик работает в поле, а она качает, заготовит обед и опит качает. Так качает, качает и вот проходит три года. Дело было к весне, старику надо сеять да пахать, — делать свое дело. Раз старик уехал в поле, а старуха качает зыбку. Вдруг парень привстал на ноги, вышел из зыбки и заговорил:

— Здравствуйте, маменька, вот я родился.

Та и обрадовалась.

— Родился-то ты хорошо и заговорил, ну не знаю, как тебя звать стать.

— Ну, зови меня Иваном Сосновичем.

А она приготовила обед.

— Вот обед-то дедушке и готовый, да ты еще не можешь нести, мал еще. А надо мне самой понести дедушке обед.

— Нет, мама, собирай, я понесу, найду, где он в поле работает, пойду по полям, найду.

Она собрала ему все в корзину.

— Ну, неси, если можешь.

Указала ему полосу, куда нести. Иван Соснович и пошел.

И вот идет, идет и увидел старичка, который работает. Он его узнал, конечно.

— Здравствуй, дедушка, мой отец ты будешь.

— Я не знаю, сынок, ты скажи, кто ты есть, тогда я тебя узнаю.

И вот он и говорит:

— Вот что, дедушка, ведь я есть Иван Соснович, мать моя качала меня три года, вот я и вырос. И принес тебе обед.

— Ну, и хорошо, коли ты так мал, а принес обед. Садись вместе со мной обедать.

— Нет, я не хочу, а ты дай мне кобылу, я попашу.

— Что ты, что ты, сынок, ты еще малый, не можешь.

— Нет, я попашу.

— Ну, попробуй.

И вот старик думает:

— Ну, раз просишь, так что же делать, попробуй.

Вот берет он соху и запрягает кобылу, а старик ест. Вот взял соху и так упер ее в землю, что кобыла тянуть не может.

— Ну, слушай Иван Соснович, тебе не пахать на моей кобыле, ты очень упираешь соху в землю, она не может нести твою силу. Отпусти кобылу, пусть она немножко травы пощиплет, и садись со мной обедать. А я после обеда немножко отдохну, потом ты опять и приведешь ее.

Вот он отпустил кобылу траву щипать, а сам сел с ним. Дедушка пообедал и лег спать. Встал со сна и говорит:

— Ну-ко, Иван Соснович, сходи, приведи кобылу, потом пойдешь к своей матери, я после приду.

Вот, значит, он пошел за кобылой. Приходит к ко-

быле, а уж волк - медный лоб с'ел кобылу у них. И бросился на него.

— С'ем, мол, тебя.

Он допустил волка близко, схватил его за ноги и бросил на землю, да так, что осталось только мокрое место от него, только земля задрожала вся. И пошел к старичку. Пришел к нему и говорит:

— Ну, отец, волк-медный лоб нашу кобылу с'ел.

— Ой, Иван Соснович, как же он тебя не с'ел?

— Нет, он меня не с'ел, а я его убил, больше уж он ни у кого кобылу есть не будет.

— Ну, пойдём тогда домой.

И пошли. Старик думает:

— Нет, это мне тоже не кормилец будет, уж раз волка убил, так порядочный богатырь.

Приходит к своей старухе. Старуха и спрашивает:

— Ну, что так рано, старичок, пришли с сыном?

Старичок начал рассказывать про сына и про волка.

— Вот принес мне сын обед, я сел есть, а он и говорит: «Дай-ка мне, я буду пахать». И пошел, я не мог отказать. Взял он соху, запряг кобылу и так соху запустил в землю, что еле видно, и кобыла не может идти. Я и сказал: «Отпусти ее, пусть траву щиплет». И вот мы ее отпустили, потом я немножко отдохнул и сказал: «Ну-ка, Иван Соснович, поди, сходи, приведи кобылу». Он пошел за кобылой, а уж волк-медный лоб у нас с'ел кобылу. И вот он схватил этого волка за ноги, как ударил этого волка о землю, земля задрожала. Убил этого волка, вот мы и пришли поэтому домой. И слушай, бабушка, — потом он ей говорит, — опять же он нам не кормилец, наверно он у нас жить не будет.

Иван Соснович это слышит, что они говорят, хотя стоит не близко.

И вот они проспали ночь. На другой день Иван Соснович и говорит:

— Вот, отец, поди-ка в кузницу, да скуй мне топор, а я пойду вам дров порубить, у вас дров мало.

— Какой тебе, Иван Соснович, надо топор?

— Да в пятьдесят пудов.

Старик пошел в кузницу и заказал кузнецам топор в пятьдесят пудов. Кузнецы сказали:

— Мы, конечно, скуем, только пусть сам за ним придет, мы не можем его принести для твоего сына.

Вот они начали ковать. Он приходит к сыну:

— Вот, сынок, сходи сам за топором, они уж куют, но никто принести его не может.

Иван Соснович сам пошел в кузницу. Приходит в кузницу. Кузнецы и говорят:

— Ну, бери топор, вот он лежит, мы его нести не можем.

Иван Соснович берет топор одной рукой и пошел домой.

Пришел он домой, к матери и отцу и говорит:

— Ну, теперь пообедаем, а потом я пойду дрова рубить.

Пообедали. Иван Соснович пошел дрова рубить. Рубил он целый день. Приходит вечером домой и говорит:

— Ну, отец, мало же сегодня я нарубил, только пятьдесят сажень, топор легкий. Поди завтра, закажи в кузнице топор в сто пудов, а я еще завтра дрова рубить пойду.

И старик пошел в кузницу и заказал топор в сто пудов. И вот кузнецы начали ковать. Приходит он на другой день, берет топор, пообедал и пошел в лес, порубил до вечера, пришел домой и говорит:

— Ну, отец, нарубил-то я мало, только сто сажень, топор легкий. Поди, закажи завтра в кузнице топор в полтора пудов.

Старик пошел, заказал топор в полтора пудов, чтобы к утру опять сковали. Утром встает сын, пообедал, пошел в кузницу, а из кузницы прямо в лес. Приходит в лес, рубит он целый день. Вечером приходит и говорит:

— Ну, отец, сегодня я порядочно порубил, полтора сажень, нарубил бы больше, да топор легкий. Ну, уж дров теперь вам хватит на целый век. Больше я тебя да кузнецов затруднять не буду.

И взял три топора и стащил в кузницу.

— Ну, делайте теперь что хотите с топорами.

Пришел обратно домой и говорит на следующий день отцу:

— Ну, отец, сходи еще в кузницу, пусть кузнецы скуют мне палицу в триста пудов, такую, чтобы эта палица не гнулась и об камень не ломалась и чтобы через сутки была готова.

И старик пошел заказывать. Сам боится.

— Хоть бы ты, однако, ушел, уж мне не кормилец.

И вот кузнецы куют эту палицу. Куют и куют, а са-

ми боятся — какая будет. Вот приходит он в кузницу на второй день. Кузнецы и говорят:

— Ну, вот, Иван Соснович, вот тебе палица, бери, а уж мы ее поднять не можем.

Он взял в руки эту палицу, нагнул только, — она вся в дугу согнулась. Он и сказал:

— Если вы мне хорошо не сделаете, то плохо будет, я приду завтра к вам.

Так им пригрозил, что кузнецы сразу взялись за работу. Вот он пережил опять сутки. Приходит в кузницу, взял палицу в руки, — не гнется, бросил о камень — сломалась.

— Ну, ребята, сделайте так, чтобы она и о камни не сломалась, а тогда я вам заплачу.

Вот уж он на третий день приходит, берет эту палицу — не гнется. Поднял вверх, бросил — чуть погнулась.

Заплатил кузнецам, уж такой платы они от роду не видели, и пошел домой. Пришел домой и говорит:

— Ну, отец, мать, пеките мне теперь подорожнички, а я пойду, куда меня голова несет, так что вы меня больше не увидите.

— Ну, что же делать, поди, сынок.

На второй же день все это было готово. Распростелись с отцом, с матерью, насыпал им денег.

— Вот, говорит, вам на старость, а дров у вас есть, живите на здоровье.

И отправился в путь-дорогу.

Идет и идет со своей палицей. Вдруг пришел он к двум дубам, и стоит между дубами старик. Стоит и в руки тот и другой берет и покачивает дуб о дуб. Увидел его Иван Соснович и заговорил:

— Здравствуй, богатырь Дубиня!

— Здравствуй, здравствуй, добрый человек. Нет, не есть я богатырь. Вот Иван Соснович волка убил, — вся земля дрожала, вот это богатырь!

— Ну, так вот я и есть Иван Соснович.

— Возьми меня, брат, с собой.

— А куда?

— Куда голова несет.

— Ну, пойдем.

И вот их стало двое. И пришли они к двум горам. Стоит человек между горами и изредка их покачивает, гору о гору поднимает. Вот Иван и заговорил:

— Здравствуй, богатырь Горыня!
— Здравствуй, здравствуй. Нет, я не богатырь, а вот есть богатырь Иван Соснович, волка-медного лба убил, так вся земля дрожала, вот богатырь!
— Так я и есть Иван Соснович.
— Куда пошел? Возьми меня с собой.
— Пойдем.

Вот пошли дальше. Шли-шли, приходят они к реке. Стоит богатырь, на усах людей перевозит. Иван Соснович и заговорил:

— Здравствуй, богатырь Усыня!
— Здравствуй! Нет, не есть я богатырь. Вот есть Иван Соснович, волка-медного лба убил, вот богатырь!
— Так я и есть Иван Соснович!
— Возьми меня с собой.
— Ну, пойдем. А нам нужно попасть через реку.
— Ну, становись на ус по одному человеку, я вас перевезу. — И так перетащил через реку. А потом растянул свой ус.
— Вы меня перетащите и больше здесь перевозу не будет.

Так и сделали. Вот и пошли они по дороге все вчетвером. И шли, шли, шли они, далеко и долго. Вдруг увидели, — стоит дом, кругом ограда, дом большой. Зашли они в этот дом, в доме никого нет. Смотрят — столовая, кухня, где готовят кушанья. Иван Соснович и говорит:

— Вот что, ребята. Во дворе есть волы, надо зарезать пять волов и изжарить. Ну, кто сегодня будет за повара? Останься ты, Дубиня, приготовь нам обед, а мы потом придем.

Вот Дубиня сходил во двор, зарезал волов и варит. Сварил, покушал немного, а сам все в окно поглядывает, — что так долго товарищей не видать. Все как будто чего-то боится. Однажды взглянул в окно, смотрит, — бежит старик, сам с ногой, борода с локоть, и сам сорок воев за собой сена тащит. Сено притащил, открывает двор, начал воду качать, волов выпускать и считать. Считал, считал, — пяти волов по счету нехватает.

— Э, — говорит, — кто тут у меня есть? Не кормит, не поит, а моим имуществом пользуется.
Прибежал в избушку, смотрит — сидит Дубиня. Взял

старик его за волосы, бил, бил, возил, возил, до того возил, что Дубиня ни с места. Выбежал на улицу, сунул под угол.

— Ну, пускай этот угол не гниет.

И убежал.

Дубиня лежал, лежал, опомнился. Опомнился и начинает под углом шевелиться. Вертелся, вертелся, да и вышел. Пошел в кухню, смотрит, — огонь погас под котлом. Зажег огонь, сам повалился на кровать. Вот приходит братья:

— Ну, что, Дубиня, обед готов?

— Готов.

— Так вставай есть.

— Не хочу, угорел.

— Ну, не хочешь, так не надо.

Вот сели они есть, суп похлебали, мясо съели. Им казалось мало. Вот Иван Соснович и говорит:

— Ну, вот, Горыня, ты теперь оставайся, а Дубиня пойдет с нами. Готовь обед и жарь сегодня волов семь, чтобы нам хватило пообедать.

Они ушли. Вот Горыня приходит на двор, берет семь волов, зарезал. Вымыл, поставил мясо и варит. Варит, уже покинуло часа три-четыре, мясо стало поспевать. Вынул кусок, поел в ожидании, а сам смотрит в окно.

— Скоро ли придут товарищи, уже совсем все готово.

Однажды заглянул в окно, смотрит, — бежит старик, сам с ногой, борода с локоть, сорок воев за собой сена тащит. Прибежал во двор, начал опять воду качать и быков считать. Считал, считал, — семи не хватает. Не хватает семи, он и побежал.

— Кто такой у меня здесь повадился, не поит, не кормит, чужим имуществом пользуется.

Прибежал в избу, и давай возить Горыню. Бил, бил, смаял, выбежал на улицу, сунул под угол.

— Ну, пускай и другой не гниет.

А сам под тем не смотрит. Этот Горыня опять таким же путем вертелся там под углом, вертелся и вышел. Побежал, скорее огня подложил и свалился на кровать. Вот идут товарищи.

— Вставай, Горыня, давай обедать!

— Не хочу, голова болит, угорел.

А этот Дубиня отвечает:

— Угарна же здесь изба есть.

Ну, сам не говорит, что-то же с ним было, молчит. Теперь они поели это мясо, им показалось мало. Иван Соснович и говорит:

— Ну, что, Усыня, ты сегодня останешься, зарежь десять волов, чтобы нам поесть честь-честью было, а мы выйдем.

И вот собрались все трое, ушли. Вот Усыня идет на двор, зарезал десять быков, поставил варить. Вынул кусок, поел — хорошо.

— А долго братьев нет, — все поглядывает в окно.

И смотрит из окна, — бежит старик, сам с ногой, борода с локоть, сорок возов за собой тащит.

Забежал во двор, начал быков считать, — опять не хватает, теперь десяти уже.

— Что такое у меня творится? Каждый день завелось, что быки терются.

Забежал в избу, схватил Усыню за усы и давай его таскать. Усыня ничего не может с ним сделать. Бил, бил, таскал, выбежал на улицу, сунул под угол.

— Ну, пускай и третий угол не гниет.

Усыня подумал:

— Ну, наверно, такая же честь и братьям была, оттого, наверно и угар им был. — И начал также под углом шевелиться. Вышел в избу, видит, — все потухло. Он зажег огонь, растопил и свалился на кровать, не может больше. Вдруг слышит, что идут братья. Вот спрашивает опять Иван Соснович:

— Ну, суп готов?

— Готов.

— Так вставай есть.

— Не могу, угорел очень, голова болит.

Ну, сели они, поели, мясо все съели. Иван Соснович и говорит:

— Ну, так вы все пойдете, а я останусь, что у вас за угар?

Вот они все собрались, пошли и говорят:

— Ну да ладно, будет же и тебе такая честь, Иван Соснович, какая нам была.

А Иван Соснович пошел на двор и зарезал двенадцать волов. Притащил, намыл, поставил и ходит по комнатам, песни поет. Посмотрел — мясо готово. Вытащил кусок, поел и опять поет.

— Что-то долго братьев нету. Что у них за угар был? Никакого угару нет.

И видит в окно, — бежит старик, сам с ногой, борода с локоть, сорок возов сена за собой тащит. Забежал во двор, начал воду качать, быков поить. А он ходит, попевает песню. Старик считал, считал, — нехватает двенадцати.

— Что такое? Кто у меня поселился? Не кормит, не поит, а моим имуществом пользуется.

Побежал в избу и давай возиться с Иваном Сосновичем. Возились, возились, ничего с Иваном Сосновичем сделать не может. Иван Соснович ему всю бороду оборвал, осталась только одна голова. Захватил в обе руки голову эту, взял молоток, гвозди и прибил старика к стенке, только голова вертится. Вдруг слышит, — идут братья. А старика-то он прибил в другую избу, только дверь немного открыта. Приходят:

— Ну, садитесь, ребята, обед готов.

Они думают:

— Что такое?

Сам садится с ними есть, а дверь-то приоткрыта. Вот в щелку и видит, — голова вертится.

— Смотрите, ребята, угар-то наш.

Иван Соснович услышал.

— Ну что, ребята?

— Да мы говорим, — вон старик, угар-то наш.

— Что вы мне раньше-то не сказали?

— А мы потому не сказали, что кто из нас сильнее будет. Теперь видим, что ты всех сильнее.

А этот старик вертелся, вертелся, да со стены и сорвался, и покатился по полу. Они за ним вслед. Иван Соснович за палицу да за ним, а он катился, катился, да в яму. Они не застали, он и укатился в подземелье, им делать уж нечего. Иван Соснович и говорит:

— Знаете что, братья, этот старик справится да нас пойдет войной. Теперь нам нужно кому-нибудь спутиться и убить его там.

Ну, а яма прямо неимомерной глубины. А Иван Соснович говорит:

— Ну, теперь пойдем во двор, наделаем ремней, надо нам его убить, а то он на нас пойдет войной, не справится тогда нам будет.

Они пошли во двор, зарезали всех волов, которые остались. Ремней нарежали и пришли к яме.

— Ну, кто пойдет?

Все отказались. Иван Соснович говорит:

— Ну, я пойду. Только когда приду обратно, вы мне ножи дадите.

— Ладно.

Вот его и опустили в яму. Когда спустили его, то как раз хватило ремней до земли до самой. Он и пошел со своей палицей.

Вот шел, шел, стоит домик. Он заходит в этот домик. Смотрит, — сидит девушка красивая и шьет. Как стег стегнет, так солдат выскочит, как другой раз стегнет, так другой выскочит. Он начал у ней спрашивать:

— Ну, девушка, шьешь, кропаешь, на кого силу сгоняешь?

— А я сгоняю силу на Ивана Сосновича, Иван Соснович всю бороду у моего батюшки вытащил, еле прибежал. Так что нужно силу сгонять, а потом на него воевать пойдет.

— А брось, девушка, швейку в печку, я ведь тебя замуж возьму, как пойду обратно.

Она и бросила. Рада, что он сказал. Он поотдохнул, поел у нее и пошел дальше. Идет, идет и идет, также приходит в домик. Заходит в домик, также сидит девушка, шьет, еще красивее той. Как стег стегнет, два солдата выскочит, еще стег стегнет — два выскочит.

— Что, девушка, шьешь, на кого силу сгоняешь?

— А сгоняю силу на Ивана Сосновича, он у моего батюшки всю бороду вытащил, еле домой прибежал. Так что надо силу сгонять, а потом пойдет воевать на него. — А он где сейчас?

— А он еще далеко. Там есть третья девушка, он у нее.

— Брось, девушка, швейку в печку. Я тебя замуж возьму, как домой пойду.

Вот она и бросила швейку. Он у нее отдохнул и дальше пошел. Вот он дальше пошел, приходит уже к третьей девушке, та в избе сидит и шьет. Как стег стегнет — так три солдата выскочат, как другой стегнет, так опять три.

— Что, девушка, шьешь, кропаешь, на кого силу сгоняешь?

— Я сгоняю силу на Ивана Сосновича.

А он и говорит:

— Слушай, девушка, брось-ка швейку в печку, а я тебя замуж возьму.

Она его послушала, сама накрыла на стол и стала его кормить. Ну, эта была всех красивее. Он и стал говорить:

— Ведь я иду его убивать, этого вашего дедушку.

— Ой, Иван Соснович, тебе его не убить. Хотя ты у него всю бороду выдрал, он лежит сейчас в бане раненый, а мы в это время силу готовим, он нас заставил. Но сейчас тебе его не убить.

— А как?

— Иначе тебе его не убить, как если я тебя не научу.

— Ну, так говори, прекрасная девица, научи. Если я не убью его, то и мне не уйти отсюда и вас не вывести.

— Он сейчас лежит в бане, тут на берегу баня. Ты сейчас к нему не ходи. А сначала иди прямо к нему в сад. В саду есть небольшая комнатка, а в этой комнатке есть шкапик. Окрой дверь и там стоят две бутылочки на правой руке, и две на левой. На правой бутылочки с живой водой, а на левой — с мертвой. И вот возьми мертвую воду и переставь, где живая стояла, а живую, — где мертвая стояла. И живой воды попей немного, много не пей. Когда попьешь, тогда выйди к бане, он лежит на полку. Он теперь не такой, как ты видел, он такой большой старик лежит на полку, что ты устроишься. И чем ты его будешь бить? Есть ли у тебя что с собой?

— У меня есть палица в триста пудов.

— Ну, вот и бей его, хотя с первого раза ты его и не разбулишь. А со второго, третьего он встанет и скажет: «А, Иван Соснович, ты здесь, пришел? Я с тобой раздelaюсь». Засвидет на подногу себе двуглавого змея. И этот змей выскочит и прибежит к этой избушке. Ему нужно будет попить живой воды для укрепления силы, а он попьет мертвой и околеет. Вот к чему я велела тебе их переменить. А тогда делай с ним что хочешь, он будет свистать войска, а у нас уж войск не будет, и тогда ты можешь его легко убить. А теперь ты пойдй.

Вот Иван Соснович это все выслушал и пошел. Пошел он в сад, зашел в комнату. Видит шкапик, открывает, смотрит — на той и на другой стороне по две бутылочки. Вот он видит живую воду, переложил, где мертвая была, а мертвую переложил, где живая была. Напила живой

воды и пошел прочь, спустился к бане. Входит в баню, открыл дверь, смотрит, — старик лежит и такой громадный, что прямо страшно. Подошел к нему и ударил его палицей. Старик с боку на бок перевернулся, ничего ему не сказал, он ударил его второй раз еще крепче. Старик еще перевернулся и ничего не сказал. Вот уж он так сильно ударил третий раз, что с размаху выскочил потолок. Старик вскопчил.

— А, Иван Соснович, ты ко мне пришел? Ну, теперь ты мой! Выйдем-ка на волю! — и начал свистеть. Засвистал, змей поднялся, бросился в эту комнату, попил мертвой воды вместо живой и околел. Нет никого, — ни войска, ни змея. Старик и заговорил:

— Ну, курвы, обманули. Ну ладно, я еще живой в руки не дамся, сначала повожусь, а потом ты меня убьешь. Хотел старик возиться, но Иван Соснович ударил палицей по голове, старик и упал на землю. Иван Соснович ударил второй раз и разможил его всего, осталось от него только мокрое место. Ну, потом пошел к девице:

— Ну, вот, девица, я убил этого старика.

— Ну убил, Иван Соснович, теперь пойдем, я согласна с тобой идти.

И вот они собрались. Она ему дает перстень и говорит:

— Ну вот, Иван Соснович, этот перстень храни, пока мы не придем в царство.

А она была царская дочь. И говорит ему:

— Ну, а других как же, возьмешь, что-ли?

— Как же, надо взять. У меня есть еще три брата, они ждут нас всех.

Вот он приходит к другой и говорит:

— Ну, прекрасная девица, пойдем.

Та оделась, и пошли, и так к третьей пришли. Приходит к третьей, он тоже сказал:

— Ну, одевайся, девица, я вас всех выведу, коли вы сослужили мне службу, представлю всех вас на Русь.

Когда пошли дальше, они и говорят:

— Я — царская дочь, я — королевская, я — княжеская.

— Ну, я отдам вас за братьев, а эту за себя возьму, только одному не достанется.

Вот приходят они к этой яме, где был ремень. Вот и начинают его тащить. Он и говорит:

— Ну, давайте, поочередно вставайте, а я в последних. Вас они поднимут.

И вот они начали поднимать. Первую княжескую. Они и говорят:

— Ах, какая девушка, хороша!

Вторую подняли.

— Хорошо, коли бы третью достать.

Иван Соснович говорит:

— Ну, царевна, давай теперь ты поднимайся.

Она и говорит:

— Слушай, Иван Соснович, ты сначала поднимись сам, а потом подымеешь меня, а то они тебя оставят в яме.

— Ну, что ты, разве они оставят.

— Ну, смотри, вспомняешь меня. Их трое и нас трое, а ты сам останешься. Слушай, ты меня спасешь, а пропадут все твои труды. Ты убил змея, а я тебе не достанусь, останешься ты в яме навеки.

— Нет, они меня поднимут.

— Ну, смотри.

Вот они вытаскивали третью и говорят:

— Ну, вот, нам всем по одной, есть ли у него еще какая? Если нет, то мы, пожалуй, его и не потянем.

Спрашивают у девицы, те говорят:

— Мы не знаем.

А Усыня говорит:

— Нет, тянуть его все-таки надо.

Спустили ремень и стали тянуть. Дубиня и говорит:

— Нет, не надо его тянуть, тогда я не буду женат.

Взял ремень, срезал, Иван Соснович и полетел обратно в яму.

Царевна им ничего не сказала, а сама подумала:

— Я говорила ему, а теперь все его труды пропали.

Взяли они этих трех красавиц и пошли в город. А про этих красавиц знал Кодей Бессмертный. И как узнал, что они пришли в царство, налетел на царство, отобрал этих красавиц, молодцов двоих убил, а третьего ранил. И сам с красавицами улетел. А это царство все окаменело.

Но пока оставим их, к Ивану Сосновичу вернемся.

Ну вот, Иван Соснович устал на землю, пролежал полсуток без памяти. Потом очнулся.

— Ну, где я, чорт возьми! Не послушал прекрасной царевны, вот опять в яме. Вот они что со мною сделали, братья. Ну, ладно.

И пошел обратно в подземелье. Приходит к первой пзушке. Ну что, — никого нет. Посидел, поел, и дальше идет. Пришел уже в третью, ему захотелось спать. Поспал, поел, пошел на эту площадку, где убил старика. Потом пошел в сад. Глядит, — около домика змей лежит. Больше никого нет. Дальше пошел в чистое поле. Приходит в поле, смотрит — стоит большая сосна, и стадо волов ходит само собой, без пастуха, большое стадо. Вот он пришел к этой большой сосне, сел и слышит — на сосне кричат орловы дети:

— Ох, спаси нас, молодец.

— Как я вас спасу, чего вам нужно?

— Да мы голодные, мать улетела на Русь, долго ее нет, а мы голодные, подняться не можем.

— Так вы что, есть хотите?

— Да, есть.

Он схватил вола, притащил, разорвал на мелкие части и дал им.

— Ну, спасибо, Иван Соснович, мать прилетит — она уже тебе отплатит, сделает, что тебе нужно. Только ухоронись, когда она прилетит, чтобы она тебя самого не слотнула, она ведь большая.

Вот он стоит. Стоял, стоял, видит — летит какая-то целая гора. Это птица. Дети и закричали:

— Смотри, Иван Соснович, это мать летит. Ухоронись за дерево, чтобы она не видела.

Вот он ухоронился за дуб, она и прилетает. Орлята начали плакать, говорить:

— Вот ты бросила нас, мы чуть не умерли. Кабы не добрый человек, мы бы умерли.

— Да как он спас?

— Накормил нас, мы и живые.

— Ну, а где этот человек, кто он есть?

— А этот человек Иван Соснович, остался здесь в подземелье.

Вот она и начинает ему говорить:

— Зюрово, Иван Соснович, ну, так что тебе надо за то, что ты моих детей накормил?

— Сослужи мне службу, если сможешь.

— Ну, какую тебе, Иван Соснович, надо службу сослужить?

— Вот вынеси меня на Русь отсюда, мне больше ничего не надо.

— На Русь, Иван Соснович, лететь далеко, надо большие запасы иметь. А ведь ты, Иван Соснович, не легкий, тебя тащить, так большой запас надо иметь.

— Ну, я уж не знаю, какой надо запас, скажи.

— Прежде всего нужно убить сорок волов мне в до- рогу. И как полетим, ты кидай по полвола в рот. И по- том нужно сорок ведер воды. Как вола бросишь, с'ем — так ведро воды. Ты убил нашего старика здесь?

— Убил.

— Вот сходи к нему в дом и причеси живой воды, мне дашь немного и себе возьми с собой. Вот это все собери, притащи, а я уж буду готова, сослужу тебе служ- бу, как ты спас моих детей.

Вот он пошел в это стадо, зарезал сорок волов, при- тащил это мясо и пошел в сад. Взял живой воды пузы- рек с собой и приходит к ней обратно. Она спустилась с дерева, и он все припасы привязал ей к крыльям. Сел он, они полетели. Вот летят, летят, она оглянется, — он ей полвола да ведро воды. Летят, летят, а нужно было переплыть через три моря. Вот он так летел, все кидал. Второе море перелегели, вот уж на третье вылетели. У него уж волов стало мало, всего десяток, а лететь надо целое море. Он стал ей поменьше кидать куски. Когда он стал поменьше кидать куски, она стала чаще оборачи- ваться и садиться стала книзу. Вот стал берег виднеть- ся, а у него уж осталось только полвола. Она и говорит:

— Ну, я есть хочу, давай, а то я тебя брошу.

Он дал ей последнего полвола и немножко живой воды, она и приободрилась. Ну, подлетела она немного и говорит:

— Есть хочу.

А ему бросить больше нечего. Она и говорит:

— Ну, Иван Соснович, выревай хоть икры из ног да бросай мне, а то нам не долететь.

Он, ничего не говоря, икру вырезал, да потом и дру- гую, бросил ей.

Так они добрались до берега. Когда перебрались че- рез море, она села на землю, а он стать на ноги не может и говорит:

— Ну, куда я теперь пойду, как стать на ноги не мо- гу, слушай, орляда.

Тогда она и говорит:

— Ну ладно, Иван Соснович, коли ты не пожалел своих икр, я тебе их обратно отдам.

Вот она их и выплюнула.

— Ну, а теперь ты их вставь обратно да смажь живой водой, будешь здоров.

Он смазал и вставил.

— А теперь остальную воду дай мне напиться, а то я не долечу. Ведь мне надо было тебя тащить да твою палицу триста пудов. Тебе она больше не понадобится, хотя ты еще много горя примешь дорогой.

Так распростился Иван Соснович с штицей, она выпила и полетела обратно.

И вот он идет и идет, смотрит, — лежит рать убитая. Идет он вдоль этой рати и увидел Горыню убитого. Посмотрел он на него и пошел дальше. Дальше идет, смотрит — вторая рать лежит убитая. И вот подошел и видит — лежит Дубиня и тоже убитый. И дальше идет и видит — недалеко виднеется поле какое-то и тоже рать лежит убитая, и все поле спалено. Когда пришел к третьей рати, видит — сидит Усыня под кустом, ноги и руки отрублены и весь израненный, еле живой. Он увидел его и стал спрашивать:

— Ну, здравствуй, богатырь Усыня.

— Здравствуй, здравствуй, Иван Соснович, как ты сюда попал?

— Да вот попал. А где же твои братья?

— Братья мои все убитые, и я в том же положении.

— Ну, так где эти красивые девушки, которых я достал из подземелья? Скажи, почему вы меня оставили в подземельи, обратно не вытянули?

— Да, слушай, Иван Соснович, я-то тут не виноват, просил братьев, что давай вытянем, а Дубиня разрезал ремни, потому что ему не достанется невесты. И конечно, нам никому не досталось.

— А где они теперь?

— А их унес Кошей Бессмертный, а царство окаменело. Он убил три рати, все сжег, забрал этих девушек и улетел, и не знаю, где он есть.

— Ну, Усыня, я тебе уж не помнил бы зла, да у меня нет средства, чтобы тебя поправить.

Теперь Иван Соснович пошел опять вперед. Вдруг видит, идут два человека с ломами. Он подошел к ним и спрашивает

— Куда отправились, молодцы?

— Пошли узнавать к высоким горам, где Кошей Бессмертного смерть, иначе не убить его за то, что он погубил наше царство.

— Ну, так возьмите меня в товарищи. Я вам помогу, он и мне нужен.

И они пошли дальше. Вот встречаются им два человека с лопатами, тоже по этому делу.

— Вы куда? — он спрашивает.

— Мы идем к высоким горам узнать, где Кошей Бессмертного смерть.

— Пойдемте с нами.

Идут дальше. Смотрят, — идут два бурщика и третий человек несет сумочку, взрывчатое вещество. И он спрашивает их:

— Куда отправились, молодцы?

— К таким-то горам, надо во что бы то ни стало убить Кошею Бессмертного.

— Ну, давайте вместе.

И пошли. Вот они приходят к такой высокой горе, что прямо голову заломит. Этот последний, который был с сумочкой, и говорит:

— Вот, ребята, нам эту гору надо разобрать, а там ящичек, в нем смерть Кошею Бессмертного. И этот ящичек надо еще разбить, а там яйцо, его надо раздавить. Ну, у нас силы, наверно, ни у кого не хватит.

— Так вот, молодцы, рвите, разрывайте гору, а уж этот ящичек я разобью, и вам буду тоже сейчас помогать.

Вот все принялись дружно за работу. Бурщики принялись бурить, взрывальщик взрывал, те ломами работали, эти лопатами сгребали, а Иван Соснович большие камни руками отрывал, в три дня они эту гору разобрали. И вот добрались до той подошвы, где лежал этот ящичек. Ящичек не мог стоять на одном месте, так и вертелся с боку на бок, когда освободился из-под горы. Тогда и говорит бурщик:

— Ну, ребята, кто из вас может теперь этот ящичек раздавить — не терпите времени. Если налетит Кошей Бессмертный, (узнал ведь), то как схватит этот ящичек, нам его и не увидать будет, он ведь силен.

Иван Соснович вытаскивает свою палицу и так размахнул, что лопнул ящичек и гром пошел по всем лесам,

и сталося на этом месте одно мокрое пятно. Теперь говорит взрывщик:

— Ну, теперь пойдем к Кошею Бессмертному, его самого нет, он где-то дается. А мы пойдем к нему и возмем этих девиц, которых он забрал. Хотя это дело твое, Иван Соснович, ты все это сделал, ты и будешь у нас за старшего.

Так они пришли. Иван Соснович впереди. Вот и приходят они к Кошею Бессмертному в жилище, Иван Соснович пошел разыскивать этих девиц, а они остались смотреть помещение. И чего-чего они только там не видели! Долго Иван Соснович ходил по темному замку, никого не находит. Наконец, видит дверь, зашел туда, а там еще хрустальная дверь, и там сидят три девушки. А у них играют гусли-самогудки. Когда он пришел только, сразу они его узнали:

— Ох, Иван Соснович, как ты пришел, ведь Кошей Бессмертный тебя убьет.

— Нет, не печалуйтесь, красные девицы. Его нет, и я вас пришел спасти в последний раз. А пришел я оттуда, где меня оставили братья, и видел я их убитых всех.

— Ну а теперь, Иван Соснович, забирай гусли-самогудки, потому что весь народ там окаменел. Когда придет туда, заиграй в гусли-самогудки, и весь народ оживет. У нас будет хорошее житье, и я выйду за тебя. А с остальными красавицами, — воля твоя, хоть за кого хочешь отдай, хоть отпускай.

Он берет гусли-самогудки и пошел оттуда. И видит — товарищи его роятся в золоте и нагребают себе денег. Он и говорит:

— Ну, берите себе, сколько вам надо, а мне не надо, я и так не буду бедный.

Вышли они все из Кошеева жилища и подходят к окаменевшему городу. Заиграл Иван Соснович в гусли, и весь народ очнулся. Все было по-старому, и он зашел с этими девицами в царский дворец, где сидел царь на своем троне.

Царевна подошла к отцу и говорит:

— Ну, отец, смотри на моего спасителя, он меня первый раз достал из подземелья, его братья там оставили, а уж теперь он спас меня от Кошея Бессмертного.

Тогда сказал этот царь:

— Ну, ладно, дочь, коли спас он тебя второй раз, то он порядочно вытерпел, будьте теперь счастливы.

Сейчас пошел у них пир, играется свадьба. Тогда Соснович все это рассказал, что с ним случилось, как он родился — все — с начала и до конца. После этого царь поставил его наследником, а после смерти своей оставил ему престол.

И стал он жить да поживать до глубокой старости со своей царевной.

ЕЛЕНА ПРЕКРАСНАЯ

В некотором царстве, в некотором государстве жил был царь. У царя было три сына. Старший Василий, средний Федор, а уж меньшой, как всегда рассказывается, был Иван. (Без Ивана сказка редко живет). Вот когда эти сыновья уж стали на возрасте, царь собирает всех трех и объявляет такую вещь:

— Вот, сынки мои любимые, пока я еще не стар, мне охота бы вас женить и посмотреть на ваших деточек, на своих внучат.

Сыновья отвечают:

— Так что же, батюшка, благослови, на ком жениться мы станем?

Отец отвечает им так:

— Вот что, сынки, выбирайте невесту вы себе сами, вам надо жить с ней, а не мне. Мой совет такой.

— Да нет, батюшка, нам бы хотелось узнать, на ком тебе желательно нас женить?

— Так вот я вам, пожалуй, скажу и это. Сделайте вы себе по самострелу и стреляйте: куда ваши стрелочки падут, там вам и судьба жениться. Пусть хоть на крестьянский двор падет или на поповский, или там на княжеский — куда стрелочка падет, там вам и судьба жениться.

Сыновья поблагодарили отца, сделали себе по самострелу. Выстрелили и пошли за этими стрелками — искать, где их невесты. Вот у старшего, Василия, пала стрела на королевский двор; у среднего, Федора, пала на

княжеский двор; те пошли за стрелками и скоро поженились. А у младшего, Ивана, поднялась стрела и улетела, сам не знает куда. Пришлось идти разыскивать свою стрелу. Вот он идет и идет. Вышел из города и пошел в лес. И видит — в лесу лежит большое болото, на болоте небольшой хуторок и на этом хуторке видит свою стрелку. Подходит он к этому хуторку и встает на крышу, снимает с крыши стрелку и хочет идти домой. Только что хотел идти домой, вдруг выходит из хуторка старая-престарая старушка и заговорила:

— Ну, Иван-царевич, как ты пришел сюда за стрелочкой, то значит твоя судьба притянула тебя ко мне. Ты должен меня взять замуж по отцовскому благословенью.

Он посмотрел на нее и говорит:

— Неужели я дожил до такой старой старухи, ведь у тебя ни одного зуба нет во рту, и идти ты не можешь. Не надо мне тебя, не возьму.

— Ну, не возьмешь, так хуже будет. Раз отец благословил, надо меня тебе взять. А не возьмешь, все равно от меня не уйдешь.

И он сказал:

— Нет, не возьму, пойду прочь.

И пошел. Но уйти никуда не может, вязнет в болоте. Вот она к нему подходит ближе и говорит:

— Ну, возьмешь, так не утонешь, а не возьмешь, — все равно утонешь, не уйти тебе никуда от меня.

Он немощно подумал:

— Что мне гибнуть здесь, пожить еще охота. Ну, чорт с ней, возьму, все равно жить с ней не стану.

Потом сказал:

— Ну, ладно, иди уж, чорт с тобой, возьму замуж.

И сразу очутился на крепкой почве. Вот идут они и говорит она ему дорогой:

— Вот, Иван-царевич, хоть ты и взял меня, но держать не умеешь. (К чему она это сказала, впоследствии выяснится).

Он идет вперед и даже не оглядывается, думает про себя:

— Все равно я с тобой жить не стану.

И в скором времени пришли они в царство. Завел ее в комнату, оставил, а сам пошел к отцу рассказывать

про свое несчастное положение, что с ним случилось. Вот когда он пришел к отцу, отец и спрашивает:

— Ну, где ты, сын, так долго ходил и где невесту себе нашел? Уж братья твои женились: один на княжеской дочери, другой на королевской.

Он ему отвечает:

— Ой, батюшка, не спрашивай про мою женитьбу. Какой я родился у тебя несчастный меньшей сын.

— Ну так что с тобой, сынок, расскажи, а я послушаю, — на ком ты женился, кого привел?

Вот он стал рассказывать, как он выстрелил и пошел разыскивать свою стрелочку. И как улетела стрелка в болото и пошел он свою стрелу разыскивать.

— Пришел я в болото и вижу небольшой хуторок, а на нем свою стрелу на крыше, достаю ее, хочу уйти прочь. Только я пошел, выходит старая-престарая старушка из этой избушки и говорит: «Ну, Иван-царевич, значит судьба нам, раз отец благословил тебя взять меня замуж». Я, конечно, отказывался от нее и хотел идти прочь, но стал тонуть в болоте и выйти никак не могу. Тогда она подходит и сказала мне: «Буде возьмешь — не утонешь, а не возьмешь — утонешь и не уйдешь нигуда». И вот я, батюшка, взял и привел ее. Неохота мне было потонуть в болоте, делай что знаешь со мной.

Говорит отец Ивана:

— Ну, что делать, Ваня, видно такая твоя судьба. Пусть живет она. Если делать ничего не может, это ничего, может скоро умерт, раз она старая. Ты женишься потом на другой.

Приходят и братья к отцу. Вот отец и говорит сыновьям:

— Ну, вот что, сынки любимые, на завтрашний день ко мне приходите, а я устрою для вас пир. И пусть ваши жены сошьют по рубашке, и я узнаю, которая из трех самая рукодельная, и тому сыну отдам дарство.

Вот братья сказали:

— Ладно, батюшка, мы пойдем и прикажем им.

Потом отец сказал Ивану:

— Пусть и твоя старушка сошьет, если умеет, а уж если не умеет, то со старой взять нечего.

Вот Иван повесил голову, пошел. Пришел в эту комнату, где она сидела, и очень печальный сел на лавку, даже и не смотрит на нее. Она подходит.

— Ну, что, Иван-царевич, ты не весел, буйну голову свою повесил? Что же тебе отец велел сделать, какой дал приказ? (А сама знает — волшебница!)

Вот он ей и говорит:

— Что ты можешь сделать? Батюшка велел всем невесткам шить по рубашке, а ты разве можешь шить, как у тебя руки трясутся, чуть ходишь. И лучше отстань, не расстраивай напрасно.

И еще пуше голову повесил.

Она и говорит:

— Слушай, Иван-царевич, не вешай своей головы, а сходи принеси мне десять аршин шелку, хоть может быть и худую, а сделаю, не пожалей шелку.

Он думает:

— А, чорт с ней, пусть.

Помел, принес десять аршин шелку.

— Пусть делает.

И сам пошел, чтобы не глядели его глаза. Вот эти невестки, когда братья принесли им шелк, гринили посмотреть, как старушка будет шить. Она взяла этот шелк, вырезала его на мелкие куски и выкинула эти куски за окно.

— Ветры буйные, сделайте батюшке рубаху, без единого шва, чтобы не стыдно ему было одеть ее при гостях.

И не прошло несколько минут, как рубашечка была готова: скатана, накрахмалена. Она взяла ее, завернула и села на свое место. Невестки эти побежали домой.

Ну, и тоже все сделали так же: разрезали шелк на мелкие части и выбросили за окно, сами стали ожидать, когда будет готово. Тоже все эти слова сказали:

— Ветры буйные, сшейте батюшке рубашечку.

Сколько они ни ждали, ничего у них не вышло. Вот они и говорят своим мужьям:

— Ну, мужья, у нас ничего не вышло. Бегите скорей на рынок, купите какие ни на есть лучшие рубахи, чтобы нести отцу.

Те, конечно, собрались и отправились на рынок. И из самых лучших магазинов купили самые лучшие шелковые рубашки. Принесли домой. Тут же сразу собрались, надо было идти к отцу, к девяти часам. И Иван тоже это знал, что надо идти. Приходит к своей старушке и говорит:

— Ну, что у тебя есть сделано?

А сам поворачивает голову в другую сторону, даже на нее и не глядит. Она отвечает:

— Вот у меня. Иванушка, тут есть полотенце, завернута батюшке рубаха, буде понравится, так подари, пусть не осудит, уж какая есть.

И так все три брата приходят к отцу.

Как только они явились, отец спросил старшего сына:

— Ну-ка, Василий, покажи, что у тебя жена за рукодельница?

Сейчас Василий вынимает рубаху и кладет на стол. Отец посмотрел рубашечку, потряс ее и говорит:

— Ого — таких на рынке можно сколько угодно купить. Плохая твоя жена рукодельница. Такие рубашки в праздники лакеи наши носят и даже конюхи. Ну-ка ты, Федор, своей жены ремесло покажи, что она за рукодельница?

Посмотрел и эту рубаху.

— А, как-будто из одной фабрики все шло. Наверно, обе рубахи из одного магазина.

Потом подошел царь к младшему сыну и говорит:

— Ну, Ванюша, покажи теперь ты своей старушке рукоделье, я с нее спрашивать много не буду, какую уж она сделала, на том и буду мириться.

Иван подает ему сверток и говорит:

— Посмотри, батюшка, я сам не смотрел, а она сказала, что пусть батюшка не осудит, какая есть.

Батюшка развернула рубашку и говорит:

— Ну, посмотрите, какая это рубашка, нет ни единого шва, она как будто живая. За эту рубашку, Иванушка, надо бы тебе и твоей жене-рукодельнице отдать дарство, но уж не знаю, такая она старая! Вот так рубашка, вот уж не стыдно такую и при гостях надеть.

Теперь отец и говорит своим сыновьям:

— Вот что, сынки, принесите мне завтра каждый по хлебу, и по этой страпне я узнаю, как ваши жены будут вас кормить!

И с теми словами братья разошлись. Старшие братья пришли и говорят:

— Ну, жены, батюшка не похвалил вашего рукоделья, а похвалил только рубашку, которую шила Иванова старушка. Очень хорошая у нее сшита рубашка. А теперь батюшка приказал испечь по хлебу, для гостей ему надо. Ну, старайтесь, мы принесем вам муки.

Иван тоже приходит к своей старушке, сел на стул и повесил голову, молчит.

Вот она подошла к нему и говорит:

— Что, Иван-царевич, не весел, что буйну голову повесил, али батюшке не понравилась рубашка, али он дал какой новый заказ? Я постараюсь и, может быть, как-нибудь сделаю.

Он говорит ей:

— За рубашку-то он не хулил, даже спасибо сказал и похвалил тебя, но теперь он велел испечь по хлебу. А где тебе это сделать, как у тебя руки трясутся и на саму-то глядеть страшно.

— Ну, так слушай, Иванушка, уж не пожалей ты фунтов десять муки, принеси мне, я какой-нибудь хлеб сделаю. Уж какой будет, таков и ладно.

Ну, он принес ей муки, а сам ушел, чтобы не глядели глаза. И вот она муку растворила. Тесто выходило. Она истопила печь. А в это время прибегают невестки смотреть, как она будет печь. Когда печь истопилась, она угли все разбросала по печи, выливает это тесто на угли, закрывает печь, и держит его в печи два часа. Равьше, видно, тоже по часам пекли-то! Вот прошло два часа, она открыла печь и пошел сразу аромат по всей избе, так что духом кормит. Потом вытянула, и такой вышел хлеб румяный да пышный, что как картина. Ну, невестки убежали домой. Сейчас же истопили печи. Уголья по печи разбросали, вылили это тесто на уголья и закрыли печи заслоном. Вот прошло два часа; как открыли печи, а там одни угли: ни хлеба, ни теста. Приходят их мужья, спрашивают:

— Ну как, жены, готовы ли хлеба?

— Нет, у нас ничего не вышло, все сгорело. Надо купить на рынке, так что уж время вышло, нам теперь не справиться.

Вот братья пошли на рынок, а Иван без заботы, никуда не ходит. Сбежали они на рынок и купили самых дорогих изюмных хлебов, принесли домой, а жены завернули эти хлебы в скатертки, и братья понесли отцу. Иван видит, что время итти, приходит к старушке:

— Ну, что, если изготвила, давай, я понесу, уж время итти.

Она приносит скатерть и завернутый хлеб и говорит:

— Ну, Иванушка, неси. Понравится ли батюшке, а я лучше печь не умею.

Иван пошел вслед за братьями. Когда они пришли, дарь спросил старшего сына:

— Ну-ка, покажи изделие твоей жены, чем она тебя будет кормить?

Он подает хлеб. Отец развернул его, посмотрел, и сам говорит:

— У нас этакие хлеба в праздники лакеи и конюхи едят. Ну-ка ты, Федор, покажи.

Тот развернул скатертку.

— На, батюшка, смотри!

— Так все равно, с одной фабрики или с одного рынка взяли. Ну-ка ты, Иванушка, покажи, у тебя жена стара, так уж взыскивать не буду.

Иван развернул скатертку:

— На, батюшка, смотри, я не смотрел сам. А она просила строго не взыскивать.

Когда батюшка развернул скатертку, то понесся аромат по всем комнатам. Тут сказал батюшка:

— Вот так хлеб, любю гостям подать; кусочек с'ешь, другой с ума не пойдет, а уж другой с'ешь, третий больше захочется.

Потом еще сказал:

— Ну, сынок, была бы твоя жена помоложе — тебе бы престол отдал за ее рукоделье, ну только стара она очень, так пока я ничего не скажу. А вот приходите завтра все трое с женами и пусть они принесут мне по ковру своей работы, какой умеют, такой пусть и сделают.

Братья все пошли домой. А в это время у дара стали гости собираться на бал. Братья пришли и сказали своим женам:

— Ну, женки, сшейте по ковру и завтра с ними пойдем к батюшке на бал.

Иван, значит, тоже идет к своей старушке, голову повесил и думает:

— Что теперь я буду делать, как батюшка такой дал наказ. Ну, куда я ее поведу такую на бал, мне будет известно и перед братьями и перед гостями, все будут глядеть на нее и смеяться.

Подходит старушка к нему:

— Что, Иван-царевич, не весел, буйну голову повесил, чем тебя батюшка обидел, или я ему что плохо сделала, или дал наказ какой?

— Батюшка за твою работу очень благодарил тебя,

но теперь дал такой наказ: к завтрашнему дню спать вам всем по ковру своими руками и еще притти нам с женами к нему на бал. Ну, куда я тебя поведу такую, ведь братья станут смеяться, и все гости.

— Ну, ладно, Иван, что же сделать? Поди, ложись спать, к утру тебе ковер сделаю, а ты на бал пойди один. Куда я пойду на смех людям?

Иван пошел, спать повалился. А эти новости в ночь шиили по ковру и утром одеваются в дарские наряды и справляются на бал, а Иван пошел к своей старушке. Когда пришел, она подает ковер и говорит:

— На, снеси ковер батюшке.

Он посмотрел на нее и спрашивает:

— А ты как, пойдешь, старушка?

— Да нет, я не пойду, куда мне на смех людям итти?

Он берет этот ковер, а она ему и говорит:

— Когда принесешь этот ковер, положи его на стол, а там уж видно будет.

Он берет этот ковер, поворачивается итти, а она ему говорит:

— Слушай, Ваня, я еще тебе несколько слов добавлю: тот когда ты прийдешь на бал, братья тебе сразу скажут: «Что ты не привел свою старушку, хоть бы люди посмотрели, какая она красавица». А ты им скажи: «Бросьте вы, братья, смеяться, зачем над старой смеяться». И вот сиди и смотри. Дождик пойдет, ты и скажи: «Вот моя женочка дождевой водой умывается». Братья нуще будут над тобой смеяться. Потом гром загремит, а ты скажи: — «Моя женочка в дорогое одеянье начинае одеваться». Они над тобой еще больше будут смеяться и говорить: «Брат начинае глумить». Как молния блеснет, и скажи: «Вот моя женочка едет» и сразу выходи на крыльцо встречать.

И с этими словами Иван вышел и просто ног под собой не слышит, как идет во дворец. Вот проходит, кладет ковер на стол, ковер соскакивает со стола и начинает плясать, танцовать и на музыке играть, а братья принесли ковры, так их только под ноги бросить да ходить. Вот отец и говорит:

— Ну, Ваня, за такое рукоделье спасибо твоей старушке и почему ты ее не привел, хоть бы она здесь с нами посидела.

Он ответил отцу:

— Ну, она не пошла, а может быть и придет, я не знаю.
И сели после этого все за стол. А Ваня сел рядом с братьями. Начинает старший брат Василий говорить:

— Так что же ты, Ваня, не привел своей старушки, хоть бы посмотрели на такую красавицу люди?

Поддерживает и Федор. Иван и говорит:

— А, бросьте вы, братья, смеяться, ведь не всем быть красивыми.

И вдруг пошел дождь. Ваня смотрит и заговорил:

— Вот моя женочка дождевою водою умывается.

А Василий и говорит Федору:

— Смотри-ка, смотри, Иван-то со своей старухой уж глумить начинает, замолод что-то, что дождевой водою умывается.

Вот и гром грянул.

— Вот моя женочка в нарядное платье одевается.

Федор ему и говорит:

— Брось ты, Ваня, ведь при гостях шутить неудобно.

Вот и молния блеснула, он говорит:

— Вот моя женочка едет сюда, — и вскочил, побежал встречать.

Выбежал, смотрит — мчитя тройка белых лошадей и на ней сидит такая красавица, что даже глаз отвести невозможно, только взглянуть, так и обрадуешься. Подъехала к крыльцу, схватила Ивана за руки и пошла наверх. А Иван обрадовался, думает:

— Хоть жена ли она есть, хоть не во сне ли это все мне снится?

Заходит за стол, а братья, отец и гости смотрят на нее неотрывно, до чего у Ивана жена хороша. Тогда он поднялся и сказал:

— Ну что, братья, еще ли будете смеяться над моей женой, что она старуха?

И братья замолчали, точно умерли. Все сидят за столом. Потом подошел отец к сыну своему и к невестке и сказал:

— Дай мне руку, большое тебе спасибо за твою рукодельную работу, и вот, Ваня, я говорю и все гости это подтвердят, я тебе даю сейчас полцарства, а после моей смерти заступаешь царем над всем моим царством. — Потом спрашивает у сына:

— Ну, Ваня, как твою жену звать?

А Иван отвечает:

— Батюшка, я и сам не знаю, потому что она была старушкой, спросите у нее сами.

Он подошел к ней.

— Ну, невестка, скажи, как тебя звать, так мы и будем тебя почитать.

Она отвечает:

— Мое имя простое и легкое, меня зовут, Елена Прекрасная.

Гости стали есть и на Елену Прекрасную все глядят, также и невестки. Вот она ест, кусочек в рот, а другой себе в рукав. И невестки делают так же, на нее глядя. И гости все смотрели, дивились и даже некоторые есть не могли, настолько она была красива, а уж про Ивана и говорить нечего, тот без памяти от такой жены сидит. Как она рассмеется, то золото польется, а расплатится — жемчуг покажется. После ужина пошли танцевать. Иван вышел со своей Еленой Прекрасной. И вот они немного потанцовали, она как махнет рукавом — открылось окно, и за окном протекла река, по реке заплывали разные уточки, селезни, гаги и все запели на разные голоса.

Потом вышли братья, пошли танцевать со своими женами. Те тоже немного потанцовали, и невестки махнули рукавом — и из рукавов посыпались крошки и кости и поделтели в гостей и в отца. Царь закричал:

— Что вы, что вы? Ведь глаза можете так выбить всем гостям. — Им стало стыдно. Когда это все успокоилось, Иван вспомнил:

— Куда моя жена девала эту свою старость, дай-ка пойду посмотрю.

И собирает итти. Она его спрашивает:

— Куда ты, Ваня, идешь?

Она догадалась, куда он идет, только не думала, что он так делает.

— Да я тут недалеко.

И убежал. Приходит в комнату, где она жила. Искать ничего. Потом пошел в умывальню и видит, — висит ее прежняя одежда. Он затопил печку и кинул одежду туда.

— Пусть она сгорит, чтобы ее больше никогда не надевала.

Думал — для лучшего!

Когда он пришел обратно, она спросила его:

— Ты где, Ваня, был?

Он ей правды не сказал.

— Наверно, ты был дома и сжег мою одежду. Скажи мне правду и поедом домой сейчас же.

Он говорит:

— Да, Елена Прекрасная, сжег.

— А ты знаешь, что ты сделал? Ты теперь открыл меня Кошей Бессмертному. Отец отдал весь капитал за эту одежду, чтобы на семь лет закрыть меня от Кошей Бессмертного, и оставалось ждать еще три дня, тогда бы он забыл меня, а теперь он приметит и возьмет меня. Давай, пойдём скорей, может, успею.

Только они вышли на крыльцо, как опустился черный вихорь, захватил ее, а он остался один.

Вот пришел домой, не пьет, не ест, свалился и давай плакать. И думает:

— Что я теперь наделал, не мог подождать три дня.

Отец ждал, ждал — с каким объяснением придет сын, не дождался и на третий день сам пошел навестить их. Смотрит, сын лежит в постели один.

— Что ж ты, Ванюша, ко мне не являешься и лежишь в постели один, где твоя жена?

— Не знаю, где моя жена, — отвечает Иван-царевич, — вот я что, батюшка, наделал. Тогда с пиру убежал и начал искать, куда она старухину одежду положила. Нашел эту одежду, затопил печь и сжег ее. Когда прибежал обратно, Елена Прекрасная меня и спрашивает:

— Вани, где ты был, мою одежду ты не сжег? — Я дома был и сжег твою одежду. — Ну, давай скорее пойдём домой, а то Кошей Бессмертный меня схватит. — Еще сказала: — Ты не мог три дня подождать, тогда бы Кошей Бессмертный меня забыл совсем. — И вот теперь я остался один, лежу и плачу.

Тогда сказал отец:

— Дурак же ты, Вани, что не мог подождать три дня, а она была бы потом всю жизнь твоя. А вот теперь что будешь делать? И я тебе помочь ничем не могу. И пропало теперь твое дарство для тебя, потому что ты не жеватый.

Теперь говорит Иван:

— Ну, ладно, батюшка, пусть мама испечет мне дорожничков, я хоть умру, а все равно пойду ее разыскивать, мне без нее не житье.

И вот ему приготовили сумочку. Он простился с от-

цом, с матерью и отправился в путь-дорогу. Идет, идет, далеко ли, близко ли, все идет дорогой. И до того дошел, что идти уж не может и пищи у него не стало. И думает!

— Ну, теперь все равно дорогой голодный умру.

А в это время видит — стоит избушка. Стоит и вертится. Он подошел и сказал:

— Избушка, избушка, повернись к лесу глазами, а ко мне воротами: мне не век вековать, а одну ночь почевать, закусить прохожего.

Избушка остановилась. Он заходит и видит: стоит старуха у печки.

— Фу-фу, на Руси не бывала и русского духу не слышала, а теперь слышу. С'ем я тебя, молодец, я тридцать годов человеческого мяса не едала.

Он заговорил:

— Что ты, бабушка, холодного, голодного будешь есть, ты бы меня напоила, накормила, баню истопила, да в бане выпарила, а тогда бы тебе было мягче есть меня.

Старуха посмотрела на него, послушалась. Напоила, накормила, истопила баню и его выпарила, уложила на кровать и дала ему поспать, а потом подошла к кровати и говорит:

— Ну-ка, скажи, молодец, чьего ты роду-племени и как тебя звать? Скажи, куда путь держишь?

— А звать, бабушка, меня Иван-царевич. А иду я — по ловина волей, а другая неволей. Женился я случайно на одной старушке, а она оказалась Елена Прекрасная. Я сжег ее одежду старушечью. И ее унес Кошей Бессмертный. Вот теперь иду ее разыскивать.

— Жаль мне тебя, Иван-царевич, ты мой зять, а она мне родная племянница. И не умел ты ее держать, ведь через три дня она была бы твоя навсегда, а уж теперь и не знаю, и тебе помочь ничем не могу. Ты знаешь, как отец скрывал ее от Кошей Бессмертного, он весь свой капитал вложил, чтобы на семь лет закрыть ее. А теперь ты идешь к отцу. Если он тебя помилует, так ладно, а не помилует, так пожалуй и живому не бывать. Он отсюда живет недалеко. Когда увидишь большой дом, встретит тебя старушка, напоит, накормит. Это будет твоя тета, а уж если будет сам дома, я не знаю, что тебе будет.

И вот он распростился с этой тетушкой и пошел. Идет, идет, далеко ли, близко ли — и сам не знает. И вдруг видит — стоит дом, большой-пребольшой. Подходит к этому до-

му. Только подошел к крыльцу, выходит ему старушка навстречу. Открыла двери и сказала:

— Заходи, молодец, в избу.

Когда он зашел в избу, она сейчас накрыла стол, напоила его, накормила и уложила спать. А сама села рядом и стала спрашивать:

— Ну-ка, скажи, молодец, чей ты будешь и куда попадаешь, хоть не из родни ли приведешься? Если был бы ты не из родни, то я знаю—тетушка бы тебя не пропустила. К нам сюда птица не пролетает, зверь не прорывается и молодец не проходит.

Вот он начинает:

— Вот кто я есть: я есть Иван-царевич. А иду я пологина неволей, а другая—своей охотой из-за своей большой нужды.

Вот он и рассказал все свое положение. Она только охнула.

— Ну, счастлив ты, зятюшка, что нет сейчас отца дома. Пропала моя несчастная Елечка у Кошеля Бессмертного. А теперь отдыхай, как придет отец, я тебя побужу. Будешь к нему подходить, падай на колени и проси прощенья. Что он тебе скажет, я не знаю.

Иван спит. Вдруг приходит отец в дом и говорит:

— Ну, кто есть в избе, рассказывай, а то и тебе худо будет, кого ты запустила?

Она и говорит:

— Слушай, муж, у нас не чужой человек. Запустила я нашего зятя. Ты знаешь, в каком он положении? Идет и горько плачет.

Он и сказал:

— Ну,веди его сюда, я и сам поговорю, коли он пришел. Отменя ему пошады не будет никакой, коли он так сделал. Она приходит к Ивану-царевичу:

— Ну, Иванушка, иди, пришел отец.

Вот Иван приходит к отцу и, не доходя до него, упал на колени и говорит:

— Батюшка, прости меня, я сделал большое преступление!

Отец сказал ему:

— Ну, зять, встань, садись со мной за стол, я тебе расскажу все.

Вот Иван сел за стол, а отец и говорит:

— Знаешь ли, что ты сделал, когда сжег эту одеж-

ду? Я всю жизнь летал по свету и собирал богатство и все ухлопал в эту одежду, а ты сжег ее, как тряпку какую. Больше я ничем помочь не могу, потому что теперь она живет у Кошеля Бессмертного, а я с ним ничего поделывать не могу. Только могу тебе дать коня, шлем и меч, а ты сам поезжай к Кошею Бессмертному, коли это преступление сделал сам. Когда ты приедешь к Кошею, он тебя будет огнем жечь и не допустит. Ты тогда снимай шлем и начинай махать им. Он тогда тебя допустит до себя и уж ты тут разговаривай сам. Может быть, можешь поступить к нему каким-нибудь работником и все может статься, что каким-нибудь случаем ты ее там и увидишь. Когда увидишь или достанешь ее, тогда приезжай ко мне, но уж если ты не достанешь Елены Прекрасной, тогда ко мне не возвращайся, а то жив не будешь.

Затем он выводит ему коня, дает меч и шлем. Иван-царевич распросился со своим тестем и тещей и отправился в путь-дорогу. Вот ехал, ехал, ехал и приезжает к Кошею, а Кошей в это время сидел на том месте, где лежал его меч. Начинает его Кошей огнем жечь. Он снимает с себя шлем и начинает им махать. Тогда Кошей допустил его до себя, видит, что едет какой-то с просьбой. Когда подошел Иван к нему, он и спрашивает:

— Ну, скажи, молодец, зачем ты приехал, за какой нуждой?

Он ему отвечает:

— Я к тебе приехал, хочу поступить каким-нибудь работником, послужить верой и правдой.

Тогда Кошей ему сказал:

— Да у меня только те могут служить моими рабами, которые силой со мной равны.

Отвечает Иван-царевич:

— Я не знаю твоей силы, ты наперед покажи, что у тебя за сила?

— Тот со мной силой равный, кто может выкинуть мой меч кверху, и чтобы он пролетел шесть часов вверху, вот тот будет со мной силой равный.

Тогда Иван сказал:

— Ты покажи сначала сам, а уж потом я сделаю. Тогда Кошей сошел с этого места, взял свой меч и бросил кверху.

Передал ему часы:

— Ну, смотри.

Вот прошло ровно шесть часов, и упал меч на то же самое место и ушел в землю, только видна одна ручка. Берет у него часы.

— Ну, иди и дай мой меч.

Иван-царевич подходит к мечу и даже пошевелить его с места не может, и сам стоит. Кошей спрашивает:

— Ну, что ж ты стоишь, не кидаешь? Время не ждет.

— А вот погоди, сейчас плывет небольшое облачко, я закину твой меч за это облако.

Кошей посмотрел на него, дунул, обратил орехом и выкинул Ивана-царевича в чистое поле. Вот и лежит Иван-царевич там. Ему пошевелиться там в орехе было никак нельзя. И вот день лежит, и два. На его счастье прилетел в это время орел. Прилетел орел, увидел этот орех и клюнул. Иван-царевич высочил и говорит:

— Ну, слава богу, я теперь жив, спасибо тебе, орел-батьюшка.

Отвечает орел ему:

— Так скажи-ка, Иван-царевич, как ты попал в этот орех, объясни мне?

— А вот, орел-батьюшка, у меня Кошей Бессмертный утащил жену, и я пришел к нему, но не мог поднять его меча, а он на меня озлился, дунул на меня, оборотил в этот орех и бросил в чистое поле, вот каким ма-нером очутился я здесь.

Отвечает ему орел:

— Да, это я знаю давно, Иван-царевич, но если ты хочешь быть равной силы с Кошеем, то поди ко мне работником на три года, и я наведу тебе такую силу, что ты будешь равен Кошее.

Иван-царевич немного подумал и говорит:

— Так что же, орел-батьюшка, я пойду с тобой.

Тогда орел посадил его на себя и полетел в свой дом. Когда прилетел орел домой, то обернулся стариком, привел Ивана-царевича в кухню и говорит:

— Вот иди и сгряпай на меня да на себя, только тебе и работы, а я через год тебе заплачу за это.

Вот Иван-царевич начинает свою работу, и так он прожил год у дедушки. Вот когда он прожил год, сели они обедать. Старик снустился в погреб и приносит бутылку вина. Вылил это вино в чашку и говорит:

— Вот, Иван-царевич, выпей, это тебе за целый год, за твою работу.

Иван-царевич посмотрел на эту чашку и говорит:

— Дедушка, мне ведь не выпить будет, я от роду его мало пил совсем.

А дедушка отвечает ему:

— Это ведь не для того, чтоб было тебе плохо. Ты пей, будет тебе для здоровья легче.

Тогда Иван-царевич берет эту чашку и выпивает ее одним духом. Когда они пообедали, старик ему и говорит:

— Пойдем, Иван-царевич, в поле, я тебе докажу свой меч. Он такой же, как у Кошей.

Пришли к этому мечу, старик берет меч, подает Ивану часы и кидает этот меч вверх.

Пролетал меч шесть часов и упал на то же место. И сказал дедушка:

— Видишь, Иван-царевич, все еще у старика сила по-старому. Дай-ка мне часы, можешь ли ты мой меч поднять и выкинуть?

Тогда Иван-царевич подал часы, взял меч и выкинул его. Меч пролетал два часа и упал на то же место.

— Ну ладно, Иван, пойдем домой, и продолжай у меня работу.

Пришли домой, и стал Иван делать то же, что раньше делал. И вот прошел второй год. И сели опять с дедушкой обедать, дедушка приносит две бутылки вина и говорит:

— Ну, пей, это тебе за второй год работы.

Он даже не стал отказываться, как узнал в первый раз, что за вино, выпил все зараз. Когда пообедал, то дедушка ему и говорит:

— Нутка, пойдем в поле, посмотрим и узнаем, такая ли у меня сила, как раньше была?

Дедушка подходит к своему мечу, отдает Ивану часы и выкидывает меч. Меч шесть часов пролетал и упал на то же место. Тогда берет часы дедушка и говорит Ивану:

— Нутка, теперь кидай ты.

Иван кинул, и меч пролетал уже шесть часов и упал на то же место. Вот старик и сказал:

— Пойдем, поживи еще годик у меня.

Идут. Дорогой дедушка и говорит:

— Поживи ты у меня еще год, тогда у тебя силы будет в полтора раза больше, чем у Кошей, теперь уж у тебя силы с ним равные, потому что мой меч такой же тяжести, как и Кошеев.

Опять пришли домой, и Иван поступил на старое место и прожил третий год. Когда прожил третий год и сели они обедать, дедушка приносит целую четверть и говорит:

— Вот, Иван, пей, это твое жалованье за третий год. (Вместо вина он дает ему силу).

Вот он выпил. После обеда дедушка и говорит:

— Пойдем, Иван, в поле, я еще попробую, по-старому ли у меня есть сила?

Вот приходят опять же на место. Дедушка берет меч. Ивану подает часы. Выкинул меч. Меч шесть часов пролетал и упал на старое место. Дедушка берет часы в руки и говорит:

— Ну-ка ты теперь, Иван, брось меч, увидим, что будет.

Иван бросил. Прошло шесть часов, меча нет. Прошло семь часов и восемь — меча нет. Дедушка и заговорил:

— Ну, Иван-даревич, беда близко. Если не упадет меч к девяти часам, то меня живого не будет, и ты также вместе со мной погибнешь.

Прошло девять часов, меч в это время упал. Дедушка и говорит:

— Ну, Иван-даревич, я тебе больше своего меча кидать не дам: ты знаешь, я не могу без него жить больше трех месяцев, чтобы его не видеть, у меня душа в меча, так же и у Кошеч, вот почему я не могу жить без меча. Мой меч не сечет Кошечев меч, и также Кошечев меч не сечет мой. А теперь пойдем домой. Я тебе скажу, как ехать к Кошечу за твоей Еленой Прекрасной. Теперь у тебя силы есть в полтора раза больше Кошеч.

Вот они пришли домой, сели за стол, дедушка ему и стал говорить:

— Слушай, Иван-даревич, я тебе дам своего коня, которого дуля не берет и огонь не жжет. Этот конь на воде не тонет и в огне не горит. И он тебя представит к самому Кошечу Бессмертному. И вдобавок дам тебе свой меч. И вот, когда прискачешь к Кошечу Бессмертному, то он на тебя озлится очень и скажет: «Кто ты такой, молодец, есть?» А ты отвечай ему так: «Помнишь, как бывало ты замкнул меня в орех, да бросил в чистое поле?» Он обернется посмотреть, а ты в это время соскакивай с лошади и бей его мечом своим, только не моим, а своим мечом. Когда ты его ударишь, тогда скричат там со

стороны слуги: «Бей его, собаку, другой раз». А ты скажи: «Нет, у нас на Руси однажды бьют». Если бы ты его ударил второй раз, он уделает, и ты его во веки не убьешь, а он тебя убьет. После этого ударяй меч в землю со всего размаху, и меч провалится сквозь землю и туда же его куски полетят. Потом скачи на лошадь и бери меч мой в руки, тогда наедет на тебя двенадцать богатырей, но ты с ними легко справишься, только бей моим мечом. Когда ты убьешь этих богатырей, тогда подойди к его двору и там ты найдешь все закрытым на замки. Бей ты по этим замкам моим мечом и иди разыскивать свою Елену Прекрасную. А когда ты доставишь Елену Прекрасную, то привези ее сюда. Я знаю, что она очень худая сейчас, и я ее поправлю. И тебе придется здесь еще три года пробыть и не жить с ней, потому что она очень худая. А ты теперь очень сильный, надо, чтобы она сделалась тоже сильной.

Вот беда-то Ивану! Сразу вывел его старик на крыльцо, а там уже лежал меч и рядом был конь.

— Ну, садись, поезжай, но помни, что я тебе сказал.

И вот он, как только сел на этого коня, так и понесся. И он видит, — сидит Кошеч Бессмертный и огнем жжет, а конь бежит, хоть бы что. И начал Кошеч Бессмертный подвертывать озера, водой топить. Конь еще сильнее бежит. Начал Кошеч палить, рубить, стрелять. Но коня ничто не берет. Прискакал к самому Кошечу Бессмертному и стал против него.

Тогда Кошеч и закричал:

— Что же ты, такой-скакой, едешь, приехал и стал против меня, говори, кто ты такой есть?

Иван даревич указал рукой на поле.

— Помнишь, как ты меня замкнул в орех и бросил туда в чистое поле?

Кошеч обернулся, посмотрит в чистое поле. А в это время Иван-даревич соскочил с лошади и ударил его своим мечом и перебил пополам. Закричали слуги:

— Бей его, собаку, другой раз.

Он отвечает:

— Нет, у нас на Руси однажды бьют.

Размахнул и бросил меч в землю. Меч провалился сквозь землю и туда же полетели куски Кошеч Бессмертного. Вот он вскочил на свою лошадь и берет дедушкин меч в руки. Смотрит, — выехало двенадцать богатырей!

Не прошло часа времени, как Иван-царевич уничтожил этих богатырей, подскакал к замку Кошес Бессмертного, соскочил с лошади, привязал ее и подходит к первой двери. Смотрит,—замок на ней висит тяжелый. Ударил мечом, открыл первую дверь. Входит в столовую Кошес Бессмертного, где тот всегда пил и ел. Смотрит,—на столе скатертка-хлебосолка и на ней пища, на что только глянешь. Вот ему захотелось есть. Он сел за стол и думает:

— Где у меня прекрасная Елечка теперь находится?

И как-то случайно заглянул под стол и видит под столом в полу человечесю голову, видна только одна голова. Вот он и спросил:

— Кто тут есть за человек, скажи-ка мне, если жив? Голова немножко подумала и сказала:

— Я есть Елена Прекрасная, но кто ты за человек и зачем ты приехал? Уходи, пока не пришел Кошей Бессмертный.

— Я есть, Елена Прекрасная, Иван-царевич, пришел за тобой и теперь тебя возьму, а уж про Кошес Бессмертного помню нет: я его убил, так что об этом нечего думать.

— Коли так, Иван-царевич, пришел ты за мной, то я тебе скажу: семь лет я прожила у Кошес Бессмертного, и он каждый день звал меня замуж, но я отбивалась от него своим талисманом, так что он подойти ко мне близко не мог. И вот семь лет я прожила, и он в семь полов меня закрыл, теперь как хочешь меня доставай. А сей год прикрыл бы меня восьмым, и я бы умерла. Кормил он меня только одними костями.

Он говорит:

— Все равно, Елена Прекрасная, вырублю я все полы, но доставу тебя живую.

Она и говорит:

— Нет, Иван-царевич, трясения мне не вынести буду. Я умру. А ты вот иди вдоль этой стены и там наткнешься на кнопку, как будто булабочка. Нажми ее и откроется дверь. Когда ты откроешь дверь, то там увидишь столько ключей, что тебе и не сосчитать будет. И вот ты возьми эти ключи и подбирай их и постепенно открывай все двери, и снимай полы. Тогда только я спокойно выйду.

Он сейчас же встал и повел по этой стене рукой, нашел кнопку и прижал ее. Открылась дверь. Он смотрит,

там ключей и правда не сосчитать. Берет эти ключи и начинает подбирать к замкам. Подобрал и открыл так все семь полов. Открыл, и когда вышла оттуда Елена Прекрасная, то до чего она была худая, что на ногах стоять не могла. Вот и говорит Иван-царевич:

— Ну, пойдем, Елена Прекрасная, я посажу тебя на коня и поедем к дедушке, а там ты поправишься.

Вот они сели на коня и отирались к дедушке. Приехали. Когда дедушка увидел, что Иван-царевич привез Елену Прекрасную, вышел на крыльцо и говорит:

— Ой, как ты, Елена Прекрасная, худая. Ну ладно, поживи-ка у меня три года, так поправишься.

И говорит Ивану-царевичу:

— Так вот, Иван-царевич, когда ты сошелся с Еленой Прекрасной, ты не знал ее, а когда ты увидел ее такую красоту и сжег ее одежду, тебе с ней жить не удалось, и теперь тебе три года жить с ней нельзя, пока ей я не наведу силу такую же, какую ей надо.

Потом берет ее за руку и ведет в ту же комнату.

— Вот, Елена Прекрасная, можешь ли ты печь и варить нам с Иваном-царевичем, а также и себе, только тебе и работы. Я каждый год буду тебе платить за это жалованье.

Она не отказалась, конечно. Вот провела она год. Приходит тот день, что кончается первый срок. Они сели обедать, дедушка таким же манером приносит бутылку и говорит:

— Вот тебе, Елена Прекрасная, жалованье за год, пей.

— Что ты, дедушка, я от роду не пивала, где мне выпить целую бутылку?

А он и говорит:

— Пей, Елена Прекрасная, это на пользу.

Ну, она и выпила. После обеда дедушка и говорит:

— Так что же, деточки, пойдете посмотрим мой меч; еще ли старик может выкинуть его, еще ли сила у меня по-старому.

Приходят они к мечу. Вот берет дедушка меч и дает Ивану-царевичу часы. Сам выкинул меч. Простояли шесть часов, меч устал на старое место.

— Ну, видно еще у старика силы по-старому. А ну-ка, Елена Прекрасная, можешь ли выкинуть сколько-нибудь?

Она ухватила за меч и подняла его только до груди. А уж выкинуть не могла, все-таки подняла.

— Ладно, пойдите, а уж тебе, Иван-царевич, я меча не даю, потому что пролетает он девять часов, нам ждать долго, а может и больше, тогда мне и смерть.

Потом пришли они домой. Дедушка и говорит: — Ну как, Елена Прекрасная, себя чувствуешь? Оправилась немного?

— Да, дедушка, поправляюсь теперь.

— Ну вот, поживи еще два годика и совсем оправишься.

Ну, она провела и второй год. Когда села обедать, дедушка приносит ей уже две бутылки и сказал:

— Вот тебе, Елена Прекрасная, твое за год жалование, пей.

Она и говорит:

— Дедушка, ведь не выпить мне.

— Пей, дочка, пей.

Ну, она и выпила. Потом дедушка и говорит:

— Так пойдите в поле посмотреть мой меч.

Приходят они в поле, дедушка берет меч, дает Ивану-царевичу часы. Выкинул. Пролетал меч шесть часов, упал опять на старое место.

— Все у старика еще сила по-старому.

Вот и говорит дедушка:

— Так что-ж, Елена Прекрасная, выкинь-ка мой меч.

Она берет меч, подняла и кинула кверху. Меч пролетал три часа. Дедушка и говорит:

— Вот хорошо, поживи-ка у меня еще год, совсем оправишься.

Сразу пошли домой. Она поступила на старую должность и быстро прошел этот третий год. Вот опять сели обедать и дедушка приносит уж три бутылки:

— Вот, Елена Прекрасная, пей.

А уж Ивану-царевичу не дает, тому хватит и того, что есть.

Она даже не стала отказываться. Выпила это вино. Дедушка после обеда и говорит:

— Так что-же, сходите еще раз, посмотрим мой меч, а уж больше не пойдем.

Так они отправились в поле. Подошел дедушка к своему мечу и выбросил его кверху. Меч пролетал шесть часов и вернулся на старое место. Потом берет Елена Прекрасная этот меч и выкидывает его. Меч пролетал шесть часов. Дедушка и говорит:

— Вот, Елена Прекрасная, у тебя теперь сила такая же, как и у меня, а у Ивана-царевича в полтора раза больше. Теперь ты можешь с ним жить, и живите, как желаете.

Так вместе все пошли оттуда. Иван-царевич захватил Елену Прекрасную за руку и пошли к дедушке в дом. Дедушка и говорит:

— Вот, если у вас будут дети, то будут такие же, как и ты Иван-царевич, сильные.

Вот они прожили у дедушки неделю. Ивану-царевичу стало скучно. Стал он об отце и матери, а также и о братьях скучать, ведь десять лет не бывал там, а ему интересно еще узнать, кому достанется царство или кому досталось. Тогда Иван-царевич подошел к дедушке и говорит:

— Как бы мне, дедушка, съездить на родину, повидаться с родными, я уж десять лет не бывал, как знаешь сам.

Дедушка и говорит:

— Ну, что-же сделаешь, поезжай, дам я тебе коня. И дам с таким расчетом, что ежели желаешь сюда приехать, то корми коня, а если не приедешь, то не корми, а сразу отправь сюда.

Потом Иван-царевич вспомнил тестев наказ, что приедешь проси вместе с дочерью. Опять у дедушки разрешения просит:

— Так вот, дедушка, когда я был у тестя, то он мне сказал: «Ежели доставнешь Елену Прекрасную, то приезжай повидаться». Вот можно ли будет к нему завернуть?

Тогда дедушка и сказал:

— Ну, что же делать, как велел, так пускай Елена Прекрасная повидается с отцом, с матерью, но только не больше живи, как четыре месяца.

Тогда Иван-царевич стал благодарить дедушку, а также и Елену Прекрасную. И вышли на двор, где стоял конь. Посадили Елену Прекрасную на лошадь, сам вскочил и поехал. Только сели, как были уже у тестя своего. Когда увидела мать зятя с дочерью, выбежала на крыльцо и стала плакать и целовать их обоих. Потом пошла в дом, тут же встретил отец, тоже стал со слезами обнимать и ласкать зятя и дочь. Тут же сели за стол. Тогда он говорит своей старухе:

— Ну, старуха, неси на стол чего у нас только есть, все неси.

И вот она нанесла—есть, на что только заглянешь. Когда поели, тесть и говорит:

— Ну, теперь Расскажи, Иван-даревич, как ты достал Елену Прекрасную?

Он ему и отвечает:

— Слушай, батюшка, если мне все это вам рассказывать, как я достал Елену Прекрасную, это затянется очень долго, а мне дедушка орел велел недолго оставаться, с таким расчетом и лошадь дал.

— Знаю, Иван-даревич, я орла. Так это он помог?

— Да, он.

Тогда Иван-даревич рассказал ему коротенько, как это все дело было. Тесть и говорит:

— Ну, ладно, молодец, Иван-даревич, живите счастливо с моей дочерью и поезжайте. Я-то думал, что ты у меня проведешь год, а уж коли дедушка сказал так, то поезжайте.

Распростился с отцом, с матерью, сели на лошадь и поехали. И как только поехали, то уж были в своем царстве, еще не прошло и суток. Когда Елену Прекрасную увес Кошлей Бессмертный, то этот ковер, который пел и плясал, а также и река, и утки, и селезни, — все это уничтожилось, и ковер лежал недвижимо, а как Иван-даревич и Елена Прекрасная только приехали в свое царство, ковер опять стал плясать и играть и также образовалась опять река, все, как было. Вот народ-то и повеселел. Да, пока не было Елены Прекрасной в этом царстве, все это царство было как-то уныло. И отец-царь находился при смерти и все ожидал, что Иван-даревич придет. И как раз в этот день уже хотел передавать престол старшему сыну. Вот только приехала Елена Прекрасная, царь сразу повеселел, и народ стал веселей, хотя еще никто не знал, что они приехали. Как они вошли в царство с Еленой Прекрасной, то все комнаты качались и полы тряслись, и все люди смотрели на них и дивились: такие два богатыря нелегки были. Только зашел в эту залу Иван-даревич, где сидели гости и братья, то отец и мать бросились им на шею. Тогда отец и говорит старшему сыну Василию:

— Ну, Вася, уж что хочешь, а теперь тебе придется

отступиться, раз Иван-даревич вернулся, так ему и владеть престолом.

Тот не стал перечить и вышел с дарского места, а на его место сел Иван-даревич. Только Иван-даревич сел со своей Еленой Прекрасной, как вспомнил про коня и говорит:

— Слушай, Елена Прекрасная, мы с тобой совсем забыли дедушкину заповедь. Раз мы решили остаться, надо бежать скорее отпустить коня.

Прибегают они на двор, отвязали коня и говорят:

— Ну, милый наш конечек, большое тебе спасибо, что привез ты нас в царство, и скажи дедушке от нас тоже большое-большое спасибо, что он нам во всем помогал.

И конь скрылся из виду. Пришли, на свое место сели, и стали его отец и братья спрашивать:

— Что ты, Иван-даревич, отпустил коня, ведь у нас было бы чем его накормить, напоить, хоть тем, что ты сам пьешь-ешь, напоили-бы, накормили.

А он ответил:

— Мне держать его было больше нельзя, надо было исполнить дедушкину заповедь.

Тогда отец и говорит:

— Я все-таки хочу узнать, сынок, как ты достал Елену Прекрасную?

Он начал рассказывать. И все он рассказал, как что с ней случилось, как он в орех был замкнут, как ему дедушка помогал и как с Кошмеем бился — все рассказал, что с ним было. Все слушали, и многие даже плакали над его приключениями.

Тогда Иван-даревич получил престол и все обрадовался, что Иван-даревич стал царем.

И стали они жить до глубокой старости.

Ш У Т

В некотором царстве, в некотором государстве жил был зажиточный человек, имел он большое количество земли и имел скота разного тоже много. У него было два сына, но они были малые. И вот в одно прекрасное время он говорит жене.

— Слушай, жена, уж нам слишком стало тяжело работать на земле, хотя мы и держим работников, но работы уж очень много. А я что, жена, надумал. Продадим часть скота, а потом накупим товару и будем торговать. Сыновья уже подросли, они нам будут помогать.

— Ну, что же, хозяин, давай, сделаем так.

Вот он взял коров, овец, быков и повел на базар, поехал в город. Нужно ему было переезжать через мост, он проехал. Распродал на ярмарке скот, накупил товару, нагрузил пять подвод и поехал домой; едет он обратно по тому мосту. Мост был большой, река быстрая. И случилось, что обрушился этот мост, и он со всем своим товаром провалился в реку. Когда понесло его по реке, он думал, что погибнет, но выбрался все-таки, вышел на гору, повесил голову чуть не до самой земли и сказал:

— Вот куда ушел мой капитал, в реку!

Ему было очень жалко. Вдруг послышался голос с той стороны реки:

— Что мужичок, задумался, повесил голову до самой земли? Может, я тебе помогу?

— Чем ты мне можешь помочь теперь?

Тот сейчас перескочил на своей лошади через реку и пришел к нему. Он его и спрашивает:

— Ну, скажи, кто ты такой есть из молодых?

— Я есть Шут.

— Ну, чем ты мне можешь помочь, если мой капитал ушел в реку?

— Я тебе его обратно верну, только отдай, что у тебя есть незнаемо дома. Отдашь, так верну.

Он подумал:

— Что у меня незнаемо? Двое сыновей, жена, скот у меня известен, богатство тоже, что у меня есть незнаемо, я только два месяца из дому.

И не знал, что у него есть незнаемо. Подумал, ну все-таки ему жалко своего, и сказал:

— Ну, ладно, вернешь—отдам.

Он делает с ним запись такую: подпишися, что я к тебе приеду за этим делом через девять месяцев и тогда возьму.

Вот, он конечно, подписался.

— Ну, а теперь иди против течения, где стоял мост.

Так он и пошел, а этот Шут исчез.

И только приходит напротив моста, а этот мост стоит по-старому, и его подводы идут по мосту. Он сел и поехал домой, только очень удивлялся:

— Подумай, как он мне их быстро вернул. Что такое у меня дома есть незнаемо?

Когда приезжает в свой дом на двор, выбегают два сына:

— Здравствуйте, папенька!

Отвечает:

— Здравствуйте, сынки.

И они заговорили:

— Папа, у нас родился брат, которого зовут Иваном. И он с нас ростом и говорит, и уже знает грамоту.

— Вот какое дело, что же она мне не сказала, что она в положении. Вот беда!

Это он подумал, но все-таки товар разложил по своим лавкам, начал торговать, сыновья помогали. Жить ему стало очень хорошо, только он очень заботился, что обещан у него сын. Был он младше всех, а ростом больше всех и умней, и довольно грамотный.

Вот однажды опять пьют чай, жена и спрашивает у мужа:

— Что же ты такой печальный, или ты что потерял

дорогой: ведь нам, слава богу, жить стало хорошо, сыновья помощники, и не о чем печалиться.

Он сказал:

— Да, жена, был такой случай. Когда я продал скот, поехал обратно, а ехать нужно было по мосту через реку; и вот этот мост обрушился, унесло меня в реку, я еле выбрался на берег и крепко задумался, что вот весь капитал теперь пропал. Вдруг послышался голос с той стороны реки: «Что мужичок, задумался, повесил голову?» Я отвечаю: «Как же не думать, у меня весь капитал унесло в реку». Тогда он опять же отвечает: «Отдай что знаваемо дома, тогда я верну». И он перескочил через реку на лошади и пришел ко мне. Я его спросил: «Кто ты такой?» «Я есть Шут, и вот если отдашь, то верну». Я согласился и пошел прочь, и этот мост был по-старому, и шли подводы, я сел и поехал домой. А это я посылал маленького сына Ивана, а ты меня не предупредила. Шут придет через девять месяцев. Вот за это я печалуюсь, что сын годами меньше всех, а умом и ростом больше всех.

Тогда она сказала:

— Слушай, муж, уж раз так пришлось, делать нечего. А вот у нас есть три сына, и когда он придет, то пусть узнает младшего. Если не узнает, то мы не дадим никого.

И он стал меньше думать, на том они и порешили.

И вот живут себе. Вдруг однажды обедают, и у них в избе затемнилось. А это уже прошло девять месяцев.

Посмотрел он в окно и говорит жене:

— Ну, посмотри, вот он и приехал.

На дворе уже стояла такая большая лошадь, что с избу была высотой. И вот он спустился с лошади, подходит в дом и заговорил:

— Здравствуйте, здравствуйте, хозяин и хозяйшка.

— Здравствуй, Шут, садись.

— Сесть не долго, но помни, хозяин, я пришел за долгом к тебе, который ты мне обещал.

Тогда говорит хозяйка:

— Ну, ладно, коли узнаешь, то получай долг, а уж не узнаешь, тогда останутся нашими сыновьями.

Вот она привела всех трех.

— Ну, выбирай.

Он посмотрел и улыбаясь:

— Ишь ты, хозяйка, вздумала обмануть. Шута Вот ко-

торый больше всех, тот и младший, тот будет мой.

Вот берет его, распростился и поехал, а хозяин и хозяйка остались плакать, очень им жалко было сына, — большой, сильный, умный и грамотный.

Вот он вез его целый месяц. Приезжает к большому дому, вокруг дома железный тын, очень высокий, так что никакая лошадь через него не перемчит, и нигде не было дверей. Шут разогнал свою лошадь, перескочил через тын, заводит Ивана в дом и говорит:

— Ну, Ваня, вот здесь ты будешь жить.

У него в этом житьевстве не было никого, жил один, ни собаки ни кошки. И приносит ему он двенадцать ключей.

— Вот, Ваня, ходи в одиннадцать дверей, а в двенадцатую не ходи, которая в темном углу, локотом завязана, навозом запечатана. Если я вернусь и узнаю, что ходил, убью тебя. Я проезжу три года, а потом приеду. А тебе достаточно всего здесь, будешь жить один.

Вот он это рассказал ему и уехал.

Иван пропустил день-два, потом начал ходить по комнатам. И вот он ходил целый месяц, все осмотрел редкости, чего у него только не было: и вина, и припасов, и товаров, и сбруи, и золота, и серебра, ну, только не было живого человека или хоть собаки и кошки. Это ему было очень скучно. И вот он уж на второй месяц задумал:

— Что он мне не велел в ту дверь входить? Однако, дай схожу, двум смертям не быть, одной не миновать. Он уехал далеко, теперь и не узнает.

И вот надумался, к двенадцатой двери подходит, локотом разрывает, навоз отрывает, открывает дверь. Только отарыл дверь, полилась кровь откуда так сильно через порог, что он еле стоит на ногах. Он смотрит, — стоит конь связанный. Он обрадовался коню, взял его, развязал, вывел на двор, дал ему напиться, принес пшеницы и конь стал поправляться. И Ваня очень обрадовался.

— Вот теперь эти три года я проведу с ним, будет мне хороший товарищ.

И такой был конь большой, что не меньше был Шута. Иван хоть росту был порядочному, но не мог заскочить на него, а ему охота. Он лесенку надел и встал на него. Конь стоял, поглядывал и ел. И вот когда Иван забрался наверх, то там и заснул.

Спал он долго-ли, коротко ли, уж Шут обратно вернулся, узнал, что вывел он коня. Приехал, так ударила его кнутом, что он вылетел чуть не мертвый с коня. Встал на ноги, опомнился. Шут ему и говорит:

— Ну, что ты сделал, зачем вывел коня, сейчас я тебя убью.

Ну, он знает, что виноват, только говорит:

— Мне стало очень скучно, хотел испытать коня и вывел его. — И говорит ему Шут:!

— Ну, на этот раз я тебя прошу, не убью, а если ты еще выведешь коня, хоть я и уеду на три года, все равно тебя убью.

Взял он коня и снова запер. А сам сел на лошадь, перескочил через тын и уехал. Иван и думает:

— Ну, больше не знаю, что делать, нельзя пойти.

И прожил он целый месяц, не ходил. Потом опять на него сильная скука напала, надо еще жить три года, думает:

— Пойду, открою — смерть так смерть, все равно убьет. Уж такая моя судьба, видно, делать нечего.

Пошел к этой двери, разрыл навоз, открыл и опять кровь полилась. Потом это кончилось, выводит он коня, накачал воды, принес пшеницы, кормит и поит его. Конь ест, пьет и поглядывает на него, сам наливается. Когда конь насытился, то поглядел на него и говорит:

— Ну, мой дорогой Ваня, торопись, Шут едет. Беги, неси заступ, вырой у меня перед передними ногами яму. Уж коли ты вывел меня второй раз, я тебе помогу, не думай, что ты осмелишься это сделать.

Иван принес заступ, отрыл яму.

— Ну, наклонись, что там видишь?

— Там, дорогой мой конь, золото ключом кипит.

— Ну, опускай туда руки, золоти выше локтя.

И вот он опустился туда, позолотил руки и вылез оттуда. Конь и говорит:

— Ну, Ваня, зарывай яму. Шут этого еще не знает. Теперь рой яму под задними ногами и торопись скорей, Шут едет.

И он вырыл под задними. Когда вырыл, конь спрашивает:

— Ну, наклонись, что там?

— Дорогой мой конь, там серебро ключом кипит.

— Ну, серебри скорей ноги.

Он опустился, посеребрил ноги выше колен и вылез обратно.

— Ну, закрывай яму, Шут еще не знает об этом и пускай не узнает никогда. И теперь беги скорей в комнату, принеси мне уздечку, она висит на гвозде, и скорее, а то Шут придет.

И он побежал, уздечку хочет снять и поднять ее не может. Прибежал и говорит:

— Не могу поднять уздечку, она тяжелая.

— Да она только сто пудов. Ой, Ваня, Ваня, ты еще молод, ну, беги обратно скорее. Увидишь там есть шкаф, открой шкаф, увидишь три бутылочки: одна с белым, другая с красным, третья с зеленым. Выпей белого и принеси мне уздечку.

Он побежал, выпил бутылочку с белым, поднял уздечку и приносит. Конь говорит:

— Ну, дорогой мой Ваня, принеси скорее седелку. Только седелка тяжелее. Выпей вторую бутылочку с красным, а то не поднять тебе будет седелки, а потом беги сюда, торопись, Шут близко.

Он прибежал, выпил вторую бутылочку, принес седелку, конь и говорит:

— Ну, теперь заскакивай на меня, я два круга сделаю по двору, если удержишься, то поедем еще, некоторые вещи возьмем с собой.

И вот он садится на коня, и конь только первый шаг сделал по двору, как Иван выскочил из седла.

— Эх, Ваня, Ваня, слабый ты еще, не уехать нам от Шута. Ну, беги скорей, выкупайся в колоде с живой водой и захвати с собой пузырек с водой, потом сбегай и выпей последнюю бутылочку, захвати мыло и щетку, неси скорей, Шут близко.

И вот он побежал. Приходит к колоде, выкупался и захватил пузырек с водой. Потом побежал, выпил последнюю бутылочку, захватил мыло и щетку.

— Ну, дорогой мой конь, я все принес.

— Ну, молодец, Ваня, теперь еще беги, только быстрее, Шут совсем близко. Захвати оттуда платок, в том же шкапу есть, и сунь себе все в карман.

Когда он принес платок, конь опять говорит:

— Ну, беги в сад, наломай яблоч золотых, перекидай мешки через меня, и садись на меня.

И вот он сбегал, наломал два мешка, перекинул через коня и сел на него.

— Ну, Ванюша, теперь держись, как можешь, я еще два круга сделаю и перескочу через тын. Если можешь удержаться, то уедешь, а уж не можешь, то обоим гибель.

И вот когда он вскочил на коня, конь и говорит:

— Я могу ехать пятьсот верст в час, а конь Шута — тысячу верст.

Вот он сделал два круга, на третий перескочил за тын. И вот отъехали недалеко, стал Шут догонять. Конь говорит:

— Ну, Ваня, Шут-то нас начал догонять и стрелы пускать. Как стрела дотронется до чего, так то место и горит.

Ну, до Ивана ничего не касается, только горит на нем платье. И потом говорит ему конь:

— Ну, Ванюша, опусти теперь шетку под хвост мне.

Когда он опустил шетку, то стали непроходимые леса, а Шут остался за лесами. И они за это время опять уехали далеко.

Шут вернулся домой за скребками, чтобы пропилить деревья, прогрыз и погнался опять снова за ними. И вот он уже нагоняет, опять стал волшебные стрелы пускать и кричит:

— Ах ты подлец, утащил у меня волшебного коня, ну, все равно не уйдешь никуда.

Конь и говорит:

— Ну, Ваня, опускай мыло мне под хвост.

И только мыло опустил, образовались горы, и Шут вернулся опять, берет скребки и опять прогрызает дыру себе на ход. Пока он прогрыз, они в это время далеко отъехали, а он опять догоняет и начинает огненные стрелы пускать. Конь и говорит:

— Ну-ка, Иванушка, спустись на землю, узнай, далеко ли Шут гонится.

Ванюша спустился, слышит — земля так трясется, что Ваня закатался, как мячик, и упал на землю, стоять не может. Конь и говорит:

— Ну, Ваня, близко ли Шут?

— Не знаю, земля трясется, стоять не могу, и податься не знаю как.

— Эх, Ваня, Ваня, слабый ты, ну да ладно!

Опустился конь на колени, взял Ванюшу в зубы и подкинул его на спину.

— Ну, спускай мне теперь под хвост платок. Уж сейчас мы уедем, а не уедем, так убьет нас Шут.

И вот он только успел опустить платок, как стало огненное море назади.

— Ну, теперь, Ваня, мы уедем.

И закричал Шут позади, бросился в огненное море и сгорел там.

И вот они приехали на одну равнину. Это было недалеко от города, уж конь это знал.

— Ну, теперь, Ванюша, сходи с меня и ложись спать. Ты сам знаешь, мы утомились, не спали долго.

— Да, дорогой мой конь, спать-то хорошо, да ты сам видишь, платья нет у меня, я наг.

— Ну, что же, Ваня, что наг, вот видишь — волю ходят, сдери с одного шкуру, завернись в шкуру и ложись спать.

И Ваня пошел, сдернул с одного вола шкуру, завернулся в нее и повалился на траву, а конь его унес траву есть. Только он не траву ест, а побежал в город и узнал, что у царя дочь выходит замуж и царь ищет садовников, чтобы сад засадить золотыми яблоками и поспели яблоки через три дня. И за это отдаст, что тот пожелает; дочь его выходит замуж за одного короля, и вот нужно это к свадьбе подготовить. И вот прибегает конь и будит Ивана.

— Ну, Иванушка, вставай, ведь выспался теперь уж.

— Дорогой мой конь, разве я долго спал?

— Да, порядочно отдохнул. Теперь ты иди в город, отсюда неподалеку будет, верстах может в пяти, там царю пужны садовники, и ты становишься, где садовники стоят. Как ты большого росту, становишься на правый флаг. Будет царь выкликать садовников по очереди, кто может засадить ему сад золотыми яблоками и вырастить его. Он будет предлагать за три дня. И вот когда дойдет до тебя очередь, ты берись. И берись с таким условием, чтобы он обещал, что ты захочешь, а он будет говорить, что уж если не сделаешь, то твоя голова прочь. Когда порядиться, то пусть царь все приготовит и земля будет выпахана, а мы приедем садить. Поди и берись, и приходи сюда, а я тебя буду здесь ожидать.

Ванюша встал и пошел в город. Приходит на площадь и стал туда, где стоят садовники.

И вот приходит царь и выкликает садовников к работе, — кто может сад рассадить золотыми яблоками и во сколько времени. И назначает им срок — три дня. Ну, садовники стали откликаться, и никто не берется за такой срок, предлагают месяца три, четыре, пять, и меньше двух с половиной месяцев никакой садовник не предложил. Дошла очередь до Ивана. Он вышел, росту был порядочного, в воловьей шкуре. Царь спросил у него:

— Ну-ка ты, молодец, что ты можешь сказать, как стоишь в очереди садовников.

— Ваше величество, я, конечно, могу вам сделать, как вы говорите, за три дня, но только вы обещаете ли мне дать то, что я захочу?

— Обещаю, обещаю! Я отдаю дочь через три дня замуж, так мне нужен сад. А если не сделаешь?

— Если не сделаю, то рубите мне голову.

— Ну, ладно.

Вот Иван порядился и сказал:

— Вот что, ваше величество, укажите мне, где садить, и прикажите распахать землю.

Царь сказал:

— Хорошо, вот на этом-то месте будешь садить сад.

Иван пошел к своему коню. Конь и спрашивает:

— Ну, дорогой мой Ваня, порядился у царя сад садить?

— Да, порядился, но не знаю, что будет.

— Ну, как, что радил?

— Дорогой мой конь, что ты мне говорил, царь мне то и даст, но я не знаю, что он дает. А если мы не сделаем, то не знаю, что будет.

И сильно Иван задумался. Конь говорит:

— Ну, ладно, Ваня, не печалься, завтра поедом. Знаешь, где садить, сказал про землю паханую?

— Сказал.

— Хорошо.

И вот они проспали ночь и пережили целый день. Презнают к вечеру к тому месту, где земля была паханая. Говорит ему конь.

— Ну вот, Ваня, бери эти мешки с яблоками, и садись на меня лицом к хвосту, я буду ходить вокруг, а ты смотри на мои задние ноги, и успевай спускать яблоки в

те дыры, которые я сделаю ногами. А я уж знаю, где ходить.

Приехали на место. Иван повсрачивается к хвосту голсы, конь ходит, а Иван опускает яблоки. И вот опусти все.

Конь говорит:

— Я уйду от тебя теперь, а тебе придется следить за твоим садом. И вот смотри три дня, а через три дня я к тебе приду.

Так Иван наш начал следить за своим садом. И вот в первые сутки расцвели яблони и налились яблоки, так быстро работалось. И царь очень удивился, не знает, что дальше будет. На вторые сутки, когда яблоки вызрели все, Иван заснул, и вдруг приходят царские дочери все, — посмотреть садовника, как он быстро все сделал. Двое были замужние, а третья выходит сейчас замуж, меньшая самая. Старшая подошла к нему, посмотрела, а от него запах такой нехороший, от шкуры воловьей. Она устрашилась, пришла к сестрам и говорит:

— Я не знаю, кто там — зверь или человек спит.

Пошла вторая. Вторая тоже посмотрела, и ей опротивело, пришла обратно. Меньшая говорит:

— Я не знаю, что вы, сестры, надо же посмотреть, он спит, не бросится же на нас. Вы подождите, а я пойду.

Пришла меньшая смотреть, подошла к нему близко, стала поднимать у него руку от копыта от воловьего. Она его не боялась. Когда отогнула шкуру, смотрит, рука у него золотая, пальцы золотые, но слишком толстые. Посмотрела вторую, — тоже золотая. Тогда стала смотреть на ноги. Видит — ноги серебряные, и подумала:

— Нет, это не садовник, а какой-нибудь знатный человек. Она снимает свой перстень и хочет ему надеть на какой-нибудь палец, но ему не лезет. Тогда взяла свой именной платок, продела в перстень и привязала ему к руке. Пришла и говорит сестрам:

— Сестры, знаете что, все-таки нам надо садовника хоть водочкой напоить. Он спит, а мы пока принесем, встанет и выпьет.

И сестры пошли, принесли ему два графина вина и разных десертов на подносе. Оставили все рядом, а сами ушли. Но не сказала она им, что она там еще оставила, или что видела.

Иван пробудился.

— Как же быть-то, царь начинает меня уже дарить, а я заснул.

И вспомнил своего коня. Тот явился.

— Ну, милый мой конь, царь уж начинает нас дарить теперь, а яблоки совсем созрели.

— Ну, хорошо.

— Ну, так что-ж, дорогой мой конь, выпьем, что-ль?

— Давай, давай, выпьем. Еще что тебе подарил? — спрашивает конь.

— Да вот, дорогой мой конь, я не знаю, каким путем тут образовалось связанное кольцо, наверно, царской дочери.

— Да, это царской дочери, меньшей, стало быть, она хочет за тебя замуж выйти. Так вот, дорогой мой Ваня, теперь сорви-ка яблоко одно и иди в магазин, там тебе дадут за это яблоко одежду всю полную, а эту бросай, и умойся, побейся там. И приди сюда, я здесь буду.

Вот он срывает одно яблоко и приходит в магазин.

— Вот вам, хозяин, яблоко, вы его оцените и дайте мне одежду всю.

Хозяин даже не мог и оценить золотое яблоко и сказал:

— Ну, вот, молодец, мы тебе принесем одежду всю, выбирай и одевайся, что только тебе нужно будет.

И вот наносили ему самую большую одежду, и он все для себя подобрал, оделся и пошел.

Хозяин рад, конечно, что ему такое яблоко оставили, его даже и не оценить, очень оно дорогое. Иван зашел попутно в парикмахерскую, побрился, подстригся и пришел обратно в сад. Говорит коню:

— Ну, дорогой мой конь, я оделся.

— Вот и хорошо, теперь ты стал на человека походить. Теперь срывай три яблока, клади на поднос и иди к царю, ставь работу. И помни — за что ты рядился с ним, проси то.

А он еще не знает, за что он ридился.

— Раз он обещал, что ты пожелаешь, так проси у него дочь замуж, он обещал и должен отдать.

— А если он не отдаст, дорогой мой конь?

— Нет, отдаст. А если не отдаст, там видно будет, придем сюда.

Вот он сорвал три яблока, положил на поднос и пошел к царю. И приходит он, конечно, уже не в том виде, как был садовником, а в хорошей одежде; пришел говорит:

— Здравствуйте, ваше величество. Я принес вам покушать яблоки и хочу сдать работу.

— Очень доволен я, Иван, а почему ты сейчас снял одежду, которая у тебя была?

— А у меня уж такой обряд, ваше величество, не снимать ту одежду, пока я не кончу работу.

— Молодец Иван!

— Вот я вам принес три яблочка, можете покушать и принять мою работу.

— Очень доволен, Иван, мы уже второй день наедаемся ароматом, ты исполнил свою работу за три дня, она для меня была очень нужна. Говори теперь, что ты хочешь, что тебе надо?

— Ваше величество, раз обещано то, что я хочу, — отдай свою дочь за меня замуж.

— Ах, дочь тебе замуж? Ну-ка, слуги, идите сюда, повалите его на скамью и дайте ему двадцать пять розог.

Приходят слуги, повалили его, дали двадцать пять розог. Но это ему было так легко, будто били его сенинкой или легким прутиком. Он стал на ноги и пошел обратно в сад к своему коню.

— Ну, что, дорогой мой Ваня, что тебе царь сказал?

— Слушай, дорогой мой конь, мне царь вот что пожаловал. Он приказал повалить меня на скамью и дал двадцать пять розог.

— Этим он думает отделаться? Нет, не зато мы работали. Ну-ка, поди теперь снова к нему и скажи ему так: «Ваше величество, я работал сад незадаром, и что ты мне обещал, то должен отдать. Я работал три дня, а в три часа уничтожу, и вам ничего не будет. И к тому же она обещалась идти за меня замуж и дала мне свой перстень».

Иван пошел обратно к царю. Царь и спрашивает:

— Ну, что, Ваня, теперь тебе надо?

— Ваше величество, я пришел объясниться.

— Ну, говори, Иванушка, что тебе надо?

— Да вот что, ваше величество, так ли вы думаете отделаться, чтобы за двадцать пять розог я вам сад работал? Если не отдадите дочь замуж, я за три часа все уничтожу и больше вы нас не увидите. А к тому же ваша дочь мне обещалась. У меня есть от нее перстень.

Царь ему ничего не сказал, а приказал позвать свою дочь. Когда пришла дочь, он у ней и спрашивает

— Ну, дочка моя любимая, ты обещалась за садовника замуж идти?

— Да, папенька, обещалась, и хочу за него выйти.

Она смотрит на него, какой он стал стройный, и знает, что он за человек, подходит к нему. Тогда говорит царь:

— Ну, ладно, дочка, коли изменила мне, так меня пристыдила, что сегодня придет зять, а мне уже подать некого, так уходи из царства со своим Иваном, совсем с глаз долой.

Услыхала это мать и приходит к нему.

— Слушай, муж, ты судишь очень легко и хочешь свою дочь выкинуть, совершенно как чужую. Хоть не для зятя, а для своей дочери ты должен смиловаться. Должен ей дать какое-нибудь приданое, все-таки нельзя так, отец, поступать со своей дочерью. Она у нас последняя, старшие наделены, а уж у нее видно судьба ткая, что выйти за этого садовника, и нечего, видно, делать.

Тогда сказал отец:

— Ну, ладно, жена. Вот у меня есть за тридцать верст отсюда хутор, пусть она там живет со своим Иваном и не ходит ко мне никогда.

Тогда царевна сказала:

— Ну, ладно, Ваня, пойдем.

Вот они приходят в сад, конь и заговорил:

— Ну, что, Ваня, получишь прекрасную царевну?

— Получил. Царь велел нам ехать на хутор.

— На хутор? Ну, ладно, дорога знакомая, садись на меня и поедем.

Жена, конечно, удивилась такому коню, что может говорить, но не знала, — что это за конь.

И вот они приезжают на хутор, там узнали наследницу, встретили ее, начали они жить. Прошли одни сутки, приезжает жених — король, а у царя уж дочери нет. Тогда король ему объявил войну, за то, что он его обманул. Объявил войну и нагнал войска в большом количестве, так что царь испугался и выступил тоже с войсками. А Иван живет со своей женой и ничего не знает. Подошел к нему конь:

— Слушай, дорогой Ваня, ведь твой батюшка в большой беде, король его разгромит и возьмет в плен. Ты знаешь, — взял дочь, так и помочь надо.

— Ну, что же, дорогой мой конь, поедем.

И вот он сел на коня, взял меч-кладенец и поехал. Приехали на поле, и кинулся этот конь на войско. Иван рубил мечом, а конь топтал и зубами рвал. Не прошло и шести часов, как все поле было усеяно этим войском. И видел все это царь, но не знал, кто этот воин. Когда он вернулся обратно, остановил его царь.

— Позвольте вас спросить, молодой рыцарь, кто вы есть и за что вы мне так помогли. Пойдите ко мне, я вас угощу и прослаблю по всем государствам и дам большое вознаграждение.

Он скаал:

— Ваше величество, мне ничего не надо от вас, это я вам помогал за те двадцать лет.

Повернул лошадь и уехал. Царь очень удивился и не понял:

— Что это за двадцать лет?

Приехал Иван домой, отпустил коня, сам пошел спать. А этот король собрал в два раза больше войска и выступил опять на царя в скором времени. Опять подошел к Ивану конь и говорит:

— Ну, слушай, Иван, опять надо поехать помочь отцу, ему без нас будет трудно.

Он сел на коня и поехал. Приехал на поле и бросился опять бить это войско. Не прошло шесть часов, как все войско было перебито, больше конь рвал зубами и ногами, не успевал даже Иван работать мечом. Ну, царь опять же заинтересовался таким храбрым воином. Когда Иван вернулся обратно, царь его остановил и говорит:

— Слушай, добрый витязь, скажи, за что ты мне помогаешь и кто ты есть? Поедем со мной, я тебя прослаблю по всем государствам.

— Ваше величество, мне ничего не надо, я вам все помогаю за двадцать лет.

Повернул свою лошадь и поехал обратно.

— Что такое за двадцать лет, ничего не понимаю, — говорит царь, — как это ему ничего не надо.

Ну, этот король собрал войска еще больше и взял двенадцать богатырей и сам выехал на окончательный бой. Конь опять и говорит Ивану:

— Слушай, Иван, опять придется отцу помогать, уж не знаю, что будет. Поищи-ка пузырек с живой водой,

от Шута взятый. Дай мне попить, сам попей, да омой свой меч.

Он отыскал пузырек, попили оба, смазал меч, он сел на коня, конь и говорит:

— Ну, Иван, с десятью богатырями тебе легко будет, а два богатыря чуть не супротив тебя, и два коня чуть не супротив меня, и я боюсь, как бы тебя не ранили. А войско-то — это ничего, хоть и в пять раз больше, нам не страшно. Ну, ничего, поедем.

И так они поехали.

Когда приехали на поле, начинает он рубить по-старому, так ужасно бьет, что не успевают подставлять войска. Все поле было усеяно убитыми, и царь стоял и дивился такому сильному воину. Когда это войско пало, то сразу выступило три богатыря против Ивана, один за другим. Иван с ними очень легко справился. Тогда выступило пять. И им была та же участь. Потом выехало два и с этими двумя он справился. Выезжает одиннадцатый богатырь один. Когда с'ехался, то он так сильно мечом ударил Ивана, что тот выпал из седла и был ранен. Сгоряча богатырь проскочил мимо. Конь Ивана не растерялся, стал на колени и зубами перекинул его на спину, увез в лагерь, сам выбежал и стал биться с этим богатырем. Увидел богатырь, что бежит один конь на него, он поворачивает свою лошадь и хочет ударить коня мечом. Но как только под'ехал к нему, конь Ивана сразу опустил голову книзу, и богатырь ударил свою лошадь и убил ее. А Иванов конь вскочил и расколол ему пополам голову. Тогда еще выезжает двенадцатый богатырь. И вот когда он увидел, что бежит на него лошадь какал-то, он поворачивает свою лошадь и несется друг на друга. И вот с'ехался кони, высоко стали на дыбы так, что богатырь выпал из седла, конь Ивана захватил глотку у этой лошади и перегрыз. Потом кинулся на богатыря и проломил ему голову.

Конь вернулся к своему хозяину, но только был тоже сильно ранен в ногу. Прибегает и говорит:

— Ну, дорогой мой Ваня, жив ли ты?

— Жив, мой конь, только очень мне тяжело.

— Ну, ничего, это не страшно, поедем домой.

Стал на колени, закидывает его на спину, хочет нести домой. Тут подбегает царская свита и говорит:

— Куда же ты, добрый витязь, поедешь раненый, и

лошадь твоя ранена. Мы поведем тебя к дарю, вылечим и прославим по всему свету.

— Нет, передайте дарю, что я ему все помогал за двадцать пять, а теперь поеду.

Приезжает Иван на свой хутор, жена перепугалась и начала его лечить. Докторов позвала, сама за сестру милосердия, все меры приняла, стали его лечить. А дарь когда приехал домой, то собирает пир, созывает всех своих гостей, зятеев, и так далее. И стал хвалиться этот царь большим воином, победителем такого крупного королевства. Когда все гости собрались и стали беседовать, жена и говорит царю:

— Слушай, муж, я тебе опять скажу, — у нас есть три дочери, две сейчас сидят на пиру. А почему же третий дочери не сидеть? Я думаю, она у нас не хуже других. Почему же и зятя не позвать, может, и придет. Я думаю, что должен ты сделать это.

Тогда он сказал:

— Ну, ладно, слуга, с'езди на хутор и позови мою дочь и зятя.

И вот приезжает слуга, заходит к ним в дом, встречает его царская дочь. Он ей поклонился и стал просить на пир вместе с мужем, батюшка велел приехать. Она ответила так:

— Слушай, слуга, скажи моему отцу, что я от мужа никуда не поеду. Он у меня болен, а я без него никуда не поеду. Он сильно ранен.

Тогда слуга сразу понял из слов ее, что вот кто помогал царю, — его зять, и уехал обратно к царю. Приехал туда, вызвал царя отдельно и сказал:

— Вот что, ваше величество, я был у вашей дочери, и она отказалась ехать, потому что у нее муж болен, он сильно ранен.

И царь сразу догадался, что это зять был на коне.

— Так вот почему он мне сказал, что вот, батюшка, я работал за двадцать пять, это за двадцать пять розог.

Пришел к жене и говорит:

— Собирайся, поедем на хутор за своей дочерью и за зятем, а вы, гости, подождите.

Вот он приезжает на хутор и приходит к дочери своей. Поздоровался и стал ее просить на бал. Она отвечает:

— Папенька, я не знаю ничего без мужа. Можете пойти к нему и спросить, пойдет он на бал или позволит

мне пойти, а я не пойду без его позволения, тем более, что он так болен. И вы, наверное, сами знаете.

— Да, дочка, только сейчас узнал, когда приехал курьер, а раньше он мне ничего не говорил, когда помогал. Так разреши, дочка, его увидеть?

— Пожалуйста.

Повела она его в спальню, где он лежал больной. Подошел к нему царь и говорит:

— Ну, зятюшка, прости меня, что я не отдавал тебе дочь. Что ж ты мне не сказал о себе, ведь я тебя спрашивал. А теперь пойдем на бал, наши гости охотно бы посмотрели на тебя, и мы тебя прославим и наградим, и выделим тебе полцарства.

— Слушай, батюшка, я не поеду с вами, потому что ваш экипаж меня не возьмет, а жена пусть с вами едет, я позволяю. А уж если конь сможет отнести меня, то и я приеду.

— Хорошо, мы будем ждать, приезжай на коне.

Жена нарядилась и поехала с отцом-матерью на бал. А он оделся, пошел к своему коню и говорит:

— Ну, дорогой мой конь, царь нас просит на бал, так поедем или нет, говори мне теперь правду.

Конь немного подумал и сказал:

— Дорогой мой Ваня, поеду, если будешь исполнять, что я тебе буду говорить. Вот когда мы приедем к царю на бал, там есть широкий двор, где приезжие принцы и короли ставят лошадей, и там стоит может быть сотня, и для меня там место будет приготовлено. И вот когда приедешь туда, оставь меня в ту конюшню, но только не вяжи. Я поем немного, выбегу из этой конюшни, всех лошадей передаваю и буду носиться по двору, как бешеный. И все конюхи и слуги переукаются, придут к царю и будут просить тебя, чтобы ты меня поймал. Все гости, конечно, рассердятся, но царь не позволит меня ни корить, ни бить, скажет только: «Пооди, Иван, уйми свою лошадь». А ты пойди со шлагой и скажи: «Бешеную скотину никогда не держат». И отрубь мне голову. Если сделаешь это, то я поеду, а там уж увидишь, что будет.

Иван и говорит:

— Как же, дорогой мой конь, разве мне не жалко будет тебя убить, ведь ты мне делал много хорошего,

женил на царской дочери, и я добился большого почета и славы. Что ты говоришь такое?

Но конь стал просить, чтобы он его послушал.

Иван подумал и сказал ему:

— Ну, ладно, дорогой мой конь, коль ты так ве-
лишь, то я сделаю.

— Ну, садись на меня, и поедем. Есть мне теперь единственный случай.

Так приехали они на царский двор. Как конь ему сказал, так он и сделал, поставил его и пришел на бал. Конечно, его с радостью встретили, посадили за стол и начали угощать, и все гости радовались, славил его, такого сильного витязя. Не прошло полчаса, как бежат конюхи, кучера в страхе и говорят своим хозяевам такое слово:

— Вот не знаем, что творится с лошадью Ивановой, перегрызла всех лошадей и носится по двору. Попросили бы Ивана, чтобы он ее убрал или что сделал.

Тогда царь говорит:

— Ну, зять, иди успокой свою лошадь. Вы, гости, не волнуйтесь, я заплачу убытки, она нам много хорошего сделала. Ты ее только убери, и будем держать ее, как желает зять.

Тогда вскочил Иван на ноги.

— Ну, бешеную скотину никогда не держат, пойду, отрублю ей голову.

Царь и говорит:

— Слушай, Иван, не надо, я заплачу все убытки, только ты ей ничего не делай.

— Нет, надо отрубить.

И пошел на двор. Лошадь увидела его, вытянула голову и стоит. Он подходит к ней, ударил ее мечом и отсек ей голову. В ту же минуту вместо лошади появился мужчина высокого роста и говорит Ивану:

— Я есть этого государства наследник, Иван царевич. Шут меня заколдовал, и вот я пробыв там двадцать лет. И тебя бы он обратил в коня, но ты сумел меня второй раз взять, и я уверился, что ты парень боевой и помог тебе. А теперь молчи пока, пойдем на бал, я там выясню, кто я есть.

Когда они пришли на бал, там не знали, конечно, кто такой незнакомец, такого же роста богатырь, как и Иван. Посадили их рядом, стали угощать. Когда незна-

комец немного подерепнлся, он встал и начал говорить:

— Слушайте, ваше величество, я вам поясню, кто я такой, может, вы меня узнаете, хотя это было давнее дело. Бывал ли у вас когда-нибудь сын?

— Да, добрый витязь, был у меня сын, но только его нет уже лет двадцать.

— Ну, а каким путем его у вас не стало, можете пояснить мне?

— А вот каким путем. Однажды я был на охоте и завяз в болоте так сильно, что не мог попасть домой. А потом послышался голос: «Вот, ваше величество, отдашь, что незнаемо дома у тебя есть, — я тебя спасу, а не отдашь, — умрешь в болоте». И вот мне пришлось отдать, а приезжаю домой, — у меня сын, но я этого не знал. Через девять месяцев приезжает Шут и пришлось ему сына отдать. И вот сегодня исполнилось двадцать лет, как я отдал сына.

— Да, ваше величество, верно, это было двадцать лет назад. Я ваш сын и был у Шута двадцать лет. И вот ваш зять, что у вас здесь сидит, он меня два раза выводил от Шута, и вот вывел.

Царь очень обрадовался и говорит:

— Ну, сын, теперь ты женись и становись на престол, потому что я стар стал, а зятю нашему далим полдарства.

Тогда, конечно, отыскивали царевичу невесту, а там веселым пирком да за свадьбу. Поженился царевич и стали жизнь проводить до глубокой старости, как Иван царевич, так и его зять.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

В городе Муроме, в селе Карачарове жил был зажиточный человек. У него не было детей. Они жили с женой до глубокой старости и стали у бога просить, чтобы дал им бог какое-нибудь детище. И вот тогда родился у них сын, назвали его Ильей. Но был он во время родов испорченный и лежал без рук, без ног. Отец-мать его плакали.

— Вот бог дает людям детище, — при старости опору, а при смерти на помин души. А нам дал калеку без рук, без ног.

И пролежал Илья ровно тридцать лет.

Раз ушли отец с матерью на поле, и приходят к нему две калекі перехожие и просят милостинку христиаради. Он им говорит:

— Ох, калекі перехожие, не могу я встать и вам милостину подать. Вы откройте шкап, да возьмите себе, что надо.

Потом стал их спрашивать:

— А что на Руси делается? Как живет Соловей-разбойник?

Он раньше слышал про Соловья. Отвечают калекі перехожие:

— Да что Соловья не жить. Живет он неплохо. Загородил дорожку прямую и царствует тридцать лет и сидит он на двенадцати дубах. Раньше до Киева было езды три дня, а теперь в обезд три года. Сидит Соловей и свищет по-соловьему, и лает, собака, по-собачьему, и кричит, зверь, по-звериному. Ну-ка, вставай, Илья, прошел твой срок тридцать лет, подымай-ка свои руки, ноги резвые, — говорят калекі перехожие.

Вот Илья начинает руку подымать, — подымается. Стал ногу растягивать, — растягивается. И стал Илеюшко на ноги. Говорит калека перехожая:

— Ну-ка, принеси у отца из погребца пива эту чашку полную.

И пошел Илья в глубокий погреб, и зачерпнул эту чашку пива полную, и приносит эту чашку калеке. Калека передает другому калеке. А этот передает чашку Илье:

— На-ка, пей, Илеюшко, эту чашку пива, и мы спросим тебя, каково будет?

Когда выпил Илья на один дух, и спросили калеки:

— Ну, каково, Илеюшко, в себе почувствовала силушки?

Отвечает Илья калекам перехожим:

— Как бы был столб от земли до неба, в том столбе золотое кольцо, я бы за это схватил кольцо и перевернул бы всю землю-матушку.

Говорит калека другому:

— Через меру мы силы Илье дали, надо сбавить, а то не будет его носить мать-сыра земля.

Потом сказали Илье Муромцу:

— Ну-ка, сходи, Илья Муромец, принеси чашку пива из погреба.

Вот пошел Илья второй раз за пивом. Приносит чашку пива и передает калеке перехожей. Калека передает второму, а тот дает пить Илье Муромцу:

— Ну, пей, Илеюшенька, теперь вторую чарочку.

Выпил Илеюшко на единый дух. И спросил калека перехожая:

— Ну, каково, Илеюшко, чувствуешь в себе силушки?

— Во мне силушки на половинишку, — отвечает Илья Муромец, сын Иванович.

Говорит опять калека перехожая:

— Ну, Илья Муромец сын Иванович, тебе смерть не писана в чистом поле. Со всеми сражайся на белом свете, только не сражайся с Святогором-богатырем. Святогора-богатыря мать-сыра земля не носит, и он только ездит по крутым борам, скачет на своем добром коне. Потом не сражайся с родом Никудиным. У роду Никулина ангельский волос есть, не победить тебе его и ему тебя. Да еще не сражайся с Иваном Деревенщиной. У него тоже есть ангельский волос: он знает про житье-бытье и что делается на святой Руси.

Теперь ему еще говорят:

— Ну, Илеюшко, твой конь только сейчас родился, на котором ты будешь ездить. Вот ты пойдешь из своего города и зайдешь в одну деревеньку, и встретишь — старик ведет трех лошадей. Одна лошадь в тысячу рублей, другая лошадь в две тысячи, а третья лошадь уже цены нет. Залагай отцовское имущество и откупи эту лошадь, она будет по виду хуже всех. Потом корми эту лошадь один год, и уже после этого поезжай, куда хочешь. Вот и поезжай, поклонись гробу господнему, и до тех пор не кровавь своего меча. И тебе, Илеюшко, когда будет очень трудно, то вспомни нас, тебе будут в чистом поле такие случаи. И когда ты вспомнишь нас, в тебе силушка прибавится непомерна: победишь противника в любую порушку.

И разошлись калеки перехожие.

И пошел Илеюшко на белый двор прибирать житье-бытье отцовское, стал подметать белый двор. И вдруг идут его отец и мать. Мать и говорит отцу:

— Ну-ка, смотри, отец, полюбуйся-ка, — Илеюшко подметает нам белый двор.

— Ох ты, баба, ты ведь глупа совсем, человек лежит без рук, без ног тридцать лет, разве может он подметать наш белый двор.

Она говорит опять ему:

— Да, смотри, ведь это Илеюшко работает.

— Ох ты, глупая баба, если бы ты не жена мне была, я бы тебе за это голову срубил, где же он может работать, как такой расслабленный был?

Когда пришли уже совсем близко, тогда отец уверился.

Вот подошли к нему, так сильно обрадовались и прославили бога.

— Ну, родился нам сын, хоть и не в утеху при младости, но будет опорой при старости и после смерти на упокой души.

Тогда заговорил им Илья Муромец, сын Иванович:

— Ну, отец и мать родная, я родился, сын, в младости не утехой был, а лежал тридцать лет без рук, без ног и под старость вам не кормилец буду и при смерти вам не на помин души. А вот теперь пойду я искать себе доброго коня и потом поеду поклонюсь гробу господне-

му и прочищу путь-дорогу прямоезжую. Там проеду, где сидит Соловей-разбойник на двенадцати дубах.

И пошел Илеюшко по дороженьке. Видит,—идет старик и ведет трех лошадей на базар продать. И вот он спрашивает цену первой лошади.

— Сколько стоит, дедушка, первая лошадь?

Отвечает старик:

— Тысячу рублей.

— Ну, сколько стоит у тебя вторая лошадь?

— Вторая лошадь моя—две тысячи рублей.

— А сколько стоит третья твоя лошадь, она худенькая?

— Этой лошади даже и цены нет. Потому она худенькая, что еще не доросла.

— Ну, продай ее, я ее подрошу.

— Коли хочешь купить, добрый молодец, я продам ее, только стоит она очень дорого.

Не считался Илеюшко с деньжками и сказал такое слово:

— Ну скажи ты мне, дедушка, правду-истину, сколько она будет стоить?

— Ну, отдам тебе, коли нужно. А отдам тебе за десять тысяч с половиной.

И подает Илеюшко денежки и берет себе эту лошадку лохматую. И уводит в свой дом и начинает ее кормить целый годик и катать ее в росах. А когда он вырастил ее до возраста до полного, тогда он пришел к отцу, к матери и сказал такие слова:

— Ну, теперь, отец с матушкой, пустите меня, добра молодца, добра молодца Илью Муромца, я поеду ко гробу господнему поклониться, мне нужно исполнить заповедь калечью, что заказывали калеки переходные.

Тогда отец с матерью заплакали.

— Ты поедешь дорогой прямоезжею, увидишь там Соловья-разбойника, он и убьет тебя.

И сказал им Илья Муромец:

— Отец ты мой, родная матушка, вы не думайте о мне, добром молодце, мне не писана смерть в чистом поле.

И распростился он с отцом, с матерью. Отец с матушкой прирасплакались. И сел Илеюшко на добра коня и пустил его в путь-дороженьку. И наехал он на

шайку разбойников. Задержала его шайка разбойников и стала его ценить и выспрашивать.

— Ты скажи-ка добрый молодец, кто ты есть, да откуда?

— А что вы, воры-разбойнички, думаете, что с меня взять, с добра молодца?

Оценили очень они дорого.

— Добрый конь твой—цены нет; цвет-кафтан твой—десять тысяч рублей. И вот, друзья разбойнички, отберем у него цвет-кафтан, отнимем у него добра коня, а ему отрубим буйну голову.

Сказал им Илья такие слова:

— Уж вы, воры разбойнички, отпустите меня на все четыре стороны. Вам не следует ссориться с Ильей Муромцем. Я кровавить меча не стану до тех пор, пока не приеду в Киев-град, поклониться гробу господню.

И говорит Илья Муромец еще им, разбойникам, такие слова:

— Отойдите от меня честью, отпустите меня, добра молодца.

Но они не соглашались, зарядили свое. Тогда Илья Муромец берет стрелочку каленую, спустил стрелочку в разбойников, их не оставил и на семена. Похал Илья Муромец дальше в путь. Видит—войска громадные стоят, подезжает к войскам и спрашивает:

— Кто эти войска побивает здесь?

Отвечает князь один ему:

— Ох ты, богатырь незнаемый, кабы ты нам помог войска побить, я бы отплатил не знаю чем. Я уж провел войска последние, больше нету у меня, и возьмет он меня теперь себе в плен.

Тогда отвечает Илья Муромец:

— Уж я окровавил меч свой.

И спустил стрелу в противника. Как пустил он только, тут смешалась вся земля и князя и его противника. И поехал Илья Муромец дальше, не спрашивал никакого вознаграждения, стал смешить в Киев-град, понасть если не к заутрени, то хоть к обеденке. Так он едет опять путем-дорогою и видит Соловья-разбойника: сидит он на двенадцати дубах. Засвистал Соловей по-соловьиному, закрычал зверь по-звериному, залаяла собака по-собачьему — на все двенадцать голосов. Его добрый конь на колени пал. Заговорил он своему доброму коню:

— Эх ты, волчья сыть, травяной мешок, не слышал ты свисту соловьиного, иль не слышал ты граю вороньего, как гравят ворон на святой Руси, так же и Соловей поет.

Зарядил он калену стрелу и пустил Соловья-разбойника прямо в правый глаз. И упал Соловей на сыру землю. Подъезжает Илья Муромец, сын Иванович, приковал он Соловья к стременам, поехал дальше и идет к двору соловьиному, где сидела жена и сын его. И сын матери и говорит теперь:

— Ну, смотри ка, мама, отец мужика ведет, мужика ведет да деревенщину.

Посмотрела мать и сказала сыну:

— Нет, сын, не отец мужика ведет, а мужик отда ведет.

Не стерпел сын, сказал матери:

— Я убью его теперь.

— Нет, сын, уж коль отец не убил, то и тебе не убить, надо просить его с честью, с милостью, чтобы оставил дома отца в покое. Надо пустить его во двор, поить, кормить, да просить милостью.

Открылись широкие ворота и запускали Илью Муромца, встречали его с поклонами. Заехал Илья Муромец на широкий двор, просила его жена Соловья-разбойника:

— Ты скажи-ка, добрый молодец, кто ты есть, и оставь Соловья-разбойника дома здесь. И бери с него выкуп, какой желаешь себе.

Сказал им Илья Муромец:

— Не оставлю его у вас здесь, свезу его в Киев-град, — почему дорогу заторочил прямоезжую.

И повернул с широка двора прямо в Киев-град. Не стерпел сын и сказал:

— Подниму воротницу триста пудов и ударю этого добра молодца.

Так он и сделал — ударил Илью Муромца воротницей. Но Илья Муромец и не заметил, не треснул его стальной шишак. И поехал Илья Муромец в путь дороженьку. Когда выехал, прираздумался:

— Не хотел меча я кровавить, ну, еще пушу калену стрелу.

И пустил на этот двор калену стрелу, заметало землей Соловья жительство. И поехал Илья Муромец дальше. Приезжает теперь он в Киев-град, и как раз успел к обеденке. Вот послушал он обедню всю до конца, а стоял

у обедни Владимир Красно Солнышко, все смотрел на богатыря незнама, и пригласил его на почестный пир. Вот сидел Илья Муромец на почестном пиру; подавали ему чару зелена вина, пивал молодой да единый дух. Богатыри друг на дружку оглянулись — усмехнулись. Тогда заговорил Владимир Красно Солнышко:

— Ну-ка, скажи, молодец, ты откуда, какого ты роду, какого племени, да как тебя звать?

— Меня зовут Илья Муромец, Илья Муромец, сын Иванович, из города я есть из Муромца, из села я есть Карачарова.

— Ты скажи, добрый молодец, какой ты дорогой ехал во Киев-град, в какое время выехал со двора своего?

— Ты Владимир Красно Солнышко, ехал я дорогой прямоезжую, ехал я три дня.

Не поверил Владимир Красно Солнышко и все князья и бояры.

— Не может быть, чтоб ты ехал дорогой прямоезжую, той дорогой тридцать лет никто не ездит.

Заговорили богатыри мочушке, Олешенка Попович, Самсон Колупаевич, Добрынюшка Никитенеч:

— Врет добрый молодец — Илья Муромец, сын Иванович.

— А коль не верите, пойдем на широкий двор, увидиме вы всю правду, истину.

И все пошли на широкий двор, и вышел Владимир Красно Солнышко. Подошел Илья Муромец к своему коню, освободил Соловья-разбойника от стремени своих и сказал Соловью таковы слова:

— Ну, Соловей, пропой вполсвиста по-соловьиному, вполголоса прорычи по-звериному, вполла пролай по-собачьему, чтобы убедились все князья-бояры, узнал Владимир Красно Солнышко, кто ты есть такой.

Завистал Соловей по-соловьиному в полный голос, зарычал зверь по-звериному и залаял по-собачьему в полный голос. Тут пали все князья-бояры наземь, упал и Владимир Красно Солнышко со своей Опраксой Королевичной, а богатыри все забегали со страху по двору. Тогда заговорил Владимир Красно Солнышко:

— Уж ты есть богатырь, Илья Муромец, уж ты уймись Соловья разбойника, а то попадали мы все на землю от крику соловьиного, избавь нас от него, а то мы все погибнем. Уж теперь верим мы, где ты ехал.

Вынимает Илья Муромец свой меч, отсекает у Соловья голову.

— Ну, собака, Соловей-разбойник, не послушал меня, закричал на все двенадцать голосов, убью тебя теперь.

Так и огрубил у него буйну голову. И приходит снова на почестный пир. Вот тогда Владимир Красно Солнышко поил, кормил и дарить его стал. Подарил ему шубу дветную и поил его, добра молодца, вином. Он пил столько, сколько хотел.

Когда Илья выпил, то он волочил шубу по полу да приговаривал:

— Кабы мне Калина-царя таскать, как эту шубу, за желты кудри, то было бы очень хорошо.

А услышав это, слуги на Илью наврали, будто говорит «кабы мне таскать Владимира Красно Солнышко за желты кудри».

Владимир Красно Солнышко обиделся, призывает Илью Муромца и говорит ему такие слова:

— Уж ты есть богатырь Илья Муромец, уж я это слово тебе не прошу, что хотел меня таскать за желты кудри, посажу я тебя за это в ямушку.

И отрыли ему яму тридцать сажен глубиною и шириною и засыпали желтым песком. Илья Муромец не противился, шел в эту яму без разговоров. А Опраксия Королевична сделала ход в подземелье и кормила Илью Муромца все время, пока сидел Илья Муромец в ямушке. И прошло тому тридцать лет, все сидел Илья Муромец в этой ямушке.

Вот узнал Калин-царь, что уж нет у Владимира богатырей, — потому что все богатыри раз'ехались, как посадил Илью Муромца в ямушку, и пошел на Владимира Красно Солнышко войной, нагнал войска в Киев-град столько, что не было, где котла сварить, а под Киев-град столько, что не было солда видно, и еще было с ним несколько богатырей. И остался он под Киев-градом. Вот Владимир Красно Солнышко и запечалился:

— Нет у меня славного богатыря Илья Муромца, нет у меня Олешеньки Поповича, нет и Добрынюшки Никитича, не знаю, куда они раз'ехались — приходит, видно, конец Владимиру Красну Солнышку.

Тогда Опраксия Королевична ему говорит:

— Слушай ты, Владимир Красно Солнышко, отрой ты из ямушки Илью Муромца, ведь он живой теперь.

Попросишь его, Илью Муромца, чтобы он шел в войну с Калин-царем.

Тогда заговорил Владимир Красно Солнышко:

— Что ты, баба, волос долог, ум короток, разве может жить человек без пищи, без питья тридцать лет?

Она ему говорит второй раз:

— Уж ты сделай милость, отрой ямочку.

Он опять ей говорит:

— Слушай, баба, ты не жена мне была бы, так я велел бы у тебя голову срубить.

А она опять:

— Отрой ямочку, а я знаю, Илья еще жив сейчас.

Владимир Красно Солнышко приказал отрыть ямочку и смотрит: стоит Илья у стола и читает святое евангелие, а сам седой уж стал. Стал просить его с поклонами:

— Уж смилуйся, Илья Муромец, помоги, пришел тут к нам Калин-царь, наступил под Киев-град, уж ты выйди к нам на помощь.

— А слушай-ка, Владимир Красно Солнышко, я для тебя не пойду, и ни для тебя, Опраксия Королевична. А я пойду для сирот, для божьих церквей, а то сиротушек всех поывадавит, а божьи церкви все поыважет.

И встал Илеюшко из ямочки, поехал в чисто поле. Выехал в чисто поле, видит — шатер стоит, а в том шатре три брата: Олешенька Попович, Самсон Колупаевич и Добрынюшка Никитич.

— Вставайте вы, братья, поедem на дело ратное, на кровавое побоище, наступил теперь на нас Калин-царь.

Вот вставали богатыри скорешенько, сажались на добрых коней и приехали во Киев-град, к тому ли Владимиру Красну Солнышку.

Тут заговорил Илья Муромец, сын Иванович:

— Ну, ребята, пойдem теперь к Калину-царю с подарками, попросить его, чтобы он дал нам три дня служить молебны с панихидами, а потом мы пойдem на дело ратное, на побоище смертельное.

Он сказал это Добрыне Никитичу, Добрыня Никитич отказался:

— Я не смею, Илья Муромец, сын Иванович.

И отказался Самсон Колупаевич и Олеша Попович. Тогда он сказал богатырям:

— Ну, тогда я пойду.

И дает Владимир Красно Солнышко мису красного

золота и вторую мису чиста серебра, чтобы дал Калин-царь три дня — пропеть молебны с панихидами, а потом уж идти на дело ратное, на побоище смертное. И так Илья Муромец отправился под Киев-град. Приходит он к Калин царю и говорит:

— Ну, Калин-царь, вот я тебе подарок дам от Красна Солнышка: мису красна золота и мису чиста серебра, за то дам, чтоб ты нам дал три дня пропеть молебны с панихидами, а потом мы с тобой станем на дело ратное на побоище смертное.

Теперь заговорил Калин-царь:

— Нет, добрый молодец, я не дам вам ни одной мины. Я сюда не гулять пришел, не тешить ваши милости. Не ожидать вашего моления, сейчас же пойдем на дело ратное, на побоище смертное.

Тогда заговорил Илья Муромец.

— Ах ты, собака Калин-царь, отойди от нашей святой Руси, а то не оставим тебя и на семена.

Вызывает Калин-царь татар-богатырей, захватили Илью Муромца, обязали его шелками богатыми и повели его на плаху казнить. И сам шел Калин-царь. И говорил Илья такие слова:

— Ах ты, старый богатырь, скажи, кто ты есть, зачем ты выкинул слова дерзновенные? Вот скажешь про себя, отпущу тебя.

Шел да изредка ему в бороду тросткой потыкивал, да в глаза поплевывал. Сказал ему Илья Муромец:

— Ах ты, собака Калин-царь, не скажу я тебе ничего, до тех пор, пока не сломаю моей буйной головы.

Привели Илью Муромца на плаху, повалили его и заговорил про себя Илья Муромец:

— Верно пришла смерть написанная в чистом поле, а ведь говорили казели, что не будет тебе, Илья Муромец, смерти в чистом поле.

Тут у Илья Муромца силы прибавилось, хватил он в грудь одного татарина, тот поднялся выше земли стоячей, выше облака ходячего, схватил другого татарина за ноги, начал им Изюшко помахивать. Как в ту сторону вернет, так валит их улками, в другую сторону махнет, — валит переулками. И убил Илья Муромец до одной души, ударил татарина — только грязь да вода. И пришел в палаты белокаменные к тому к царю Калину. Захватил его за желты кудри, открыл окно и бросил

его на землю из палаты трехэтажной. От Калина-царя только грязь осталась. И пришел Илья к Владимиру-Красну Солнышку и сказал ему такие слова:

— Дай прослужить молебны с панихидами три дня. Вот прослужили молебны с панихидами и выступили под Киев-град — рать сила великая и все богатыри. А под Киев-градом было силы столько, что солнце не пропекало, не было где котла сварить. Вот бились они целые сутки и не было ни убыли, ни прибыли, все богатыри и Илья Муромец. Вот на вторые сутки немножко солнце стало пропекаться, заговорили ему богатыри:

— Слушай, Илья Муромец, сын Иванович, надо отдых сделать нам, добрым молодцам.

Добавил Илья Муромец, сын Иванович:

— До тех пор не будем отдыха держать, пока не убьем до одной души.

Опять раз'езжались добры молодцы, стали силу бить по-старому. Вот и наехала на Добрыню Никитича баба Коломенка и она с ним сразилась, ударились копьем догомерным, — копьё пололам переломились. Ударились мечами, — мечи пополам переломились, но друг друга с копей сбить не могли. Потом схватились в рукопашную; волелись они шесть часов. Подвернулись у Добрынюшки волевышки, упал Добрыня на сырую землю, и села баба Коломенка на белую грудь и сирашивает у Добрыни Никитича:

— Ну, скажи-ка ты, добрый молодец, кто ты есть, чьего роду, чьего племени и как тебя звать?

А он отвечает ей такие слова:

— Если я бы лежал у тебя на белой груди, не спрашивал бы ни роду, ни племени, ни отца с матерью, ко-
лол бы брюхо до печени.

И вдруг едет Илья Муромец, сын Иванович:

— Эй, мужик, ты что, с бабой не можешь справиться?

— Выручи, Илья Муромец, сын Иванович, видно, пришла Добрынюшке смерть в чистом поле.

Отвечает ему Илья Муромец:

— Бей бабу крепче, будет баба мягче.

И сам проехал дальше, только и помог. Потом вспомнил Добрыня заповедь Илья Муромца, — стал бить крепче и встал наверх. Потом уже не спрашивал у ней отца с матерью, а колол брюхо до печени и убил ее насмерть. Сел он на добра коня с этого стыда и поехал по кругой

скале. Видит, что корабль плывет и бросился со скалы на этот корабль, а тот был не корабль, а просто скала, и убили насмерть со своим конем.

Побили братья все войско и стали ждать Добрыню Никитича, нигде его в войсках не нашли. И всеомина Илья Муромец, сын Иванович, как он бился с бабой, нет ли его там. Поехал туда, приезжает, видит, что баба Коломенка убита.

— Ну, ни больше, ни меньше, как брат наш уезал куда со стыда.

Поехали дальше и видят, что лежит он на скале убитый. И поехали братья в Киев-град к Владимиру Красну Солнышку. Владимир Красно Солнышко очень обрадовался, сделал почестный пир и стал спрашивать:

— Где у вас, богатыри, Добрынюшка Никитичев?

Говорит ему Илья Муромец, сын Иванович:

— При войне бывають случаи, что кто нибудь лежит в чистом поле. Убит Добрынюшка или, вернее не убит, а со стыда скончался, что чуть не победила его баба Коломенка. Убил он ее, а потом со стыда бросился на скалу и скончался наш Добрынюшка.

Пожалел Владимир Красно Солнышко, да делать нечего.

Вот поил, кормил и хвалился ими:

— Ну, если бы не вы, богатыри, да Илья Муромец, то не быть бы нам на святой Руси, не оставил нас Калиндарь даже на поминны.

Заговорил ему Илья Муромец, сын Иванович:

— Все-таки надо мне идти на святую Русь да посетить свою родину, увидеть отца с матерью, есть или нет в живых. А вы, братья мои да товарищи, вы оставайтесь у Владимира Красна Солнышка на охрану нашего отечества, до тех пор, пока я приду, не давайте его в обидушку.

И сам распростился с Владимиром Красным Солнышком, и пошел он в путь-дороженьку. Вот он шел далеко, и подходит он уж к своему селу, к своему селу Карачарову. Приходит он в дом отцовский. Не было уж отца-матери: давно они были умершими. Одал он дом этот нищим, бедным, калекам переходим, роздал деньги всем по ровну, сам отправился опять вперед. И вот встретился он с калекою с Иванцем с Деревенщиной и начал у него он спрашивать:

— Ты скажи-ка мне, Иванце Деревенщина, что у

нас на Руси делается, как живет Владимир Красно Солнышко? Ты ходишь по святой Руси, так знаешь все новости.

— Да, Илья Муромец, сын Иванович, на Руси хорошо-то теперь. Приступил к Владимиру Красну Солнышку Идолище поганое. Владимир Красно Солнышко привязан к дубовому столу за шелков ремень, а с Опраксою Королевичной Идолище плет, ест с одного стола и спит он с ней на одной кровати.

Заговорил Илья Муромец:

— Ты отдай мне, Иванце, эту свою ключечку.

— Нет, не отдам.

Вот Илья Муромец стал у него отнимать, они с ним повозились три дня, который отдать не мог. Илья Муромец ключечку не отнял. Рассердился Иванце Деревенщина, бросил ключку в землю, ушла ключка в землю на сорок сажень, и пошел он дальше, не сказал Илье Муромцу ни одного слова.

Илья Муромец на это не разгневался, начал землю рыть, рыл он ровно три дня и достал эту ключечку. И пошел он с ключкой пробираться в Киев-град, под окно Владимира Красна Солнышка и просит милостыню Христа ради:

— Дай, Владимир Красно Солнышко, мне милостыню.

Вламир Красно Солнышко, конечно, ничего не знает. Спел Идолище поганое у окна, услышал калечий крик и позвал калеку в избу. Приходит Илья в избу к Идолищу поганому, где сидела с ним Опракса Королевична. Вот когда пришел он к ней, она и спрашивает:

— Ну, скажи, калека переходящая, ты много ходишь по святой Руси, ты знаешь, наверно, про Илью Муромца, какой он был богатырь добрый молодец.

— Знаю-то я его знаю, росту был как будто и я.

— Ну, скажи, калека переходящая, много ли он пил и ел, как он славился силой непомерною.

— У него выгь была акуратная, ел он всегда по калачику, а пил он всегда по стаканчику.

— Эй, не богатырь ваш Илья Муромец. Вот я есть добрый молодец, — говорит ему Идолище поганое. — Я молодец удалый, вот у меня какая выгь: я ем семь печей хлебов, три коровы ем за один обед, три ведра вина выпью, на закуску ем двенадцать гусей, запиваю ведром молока коровьего. Вот эта выгь моя умеренная.

— Да, ты есть добрый молодец, у моего батюшки была корова такая же обжора, как и ты, много ела, пила, да и лопнула, такой же конек и тебе будет, добрый молодец, — не смерть, а уж лопнешь, — сказал ему Илья Муромец.

Не понравилось Идолищу поганому, он схватил княжал, да и бросил в Илью Муромца. Но в Илью Муромца не попало, а ударило в стойку с дверьми, стойка с дверьми провалилась на улицу. Тогда видит Илья Владимира Красна Солнышка, связанного у ножки столовой, а питался он костями да обедками.

— Уж ты слушай ка, Владимир Красно Солнышко, дай-ка твою каменную палату белу окровавить теперь.

Отвечает ему Владимир Красно Солнышко:

— Делай что хочешь, калека доброхожая, власть уж не моя сейчас.

А Идолище сидел за столом, слушал, что говорил калека переходжа.

Тогда Илья Муромец, сын Иванович, ударил его клюшкой. Идолище вылетел на улицу с простенками. И отвязал Илья Владимира Красна Солнышка от столовой ножки. И сказал ему такие слова:

— Вот я есть старый богатырь, Илья Муромец, спас тебя Владимира Красна Солнышка, и живи теперь в спокойе. Послежу я за тобой теперь. Еще тебе Владимиру Красну Солнышку будет много беды, да напасти вперед. Ну, где твои богатыри: Олешенька Попович, Самсон Колушаевич?

— Мои богатыри испугались, уехали они из царства, не знаю куда, испугались они Идолища поганого.

— А не надо было, Владимир Красно Солнышко, пугаться, надо было его уничтожить с земли.

И так обрадовался Владимир Красно Солнышко, посадил за свой стол, угощал чем только было, приказал Опраксе Королевичной:

— Кормить, поить да уговаривать, чтоб не ездил Илья Муромец. А уж я тебя, Опраксия Королевична, за то прошу, что жила с Идолищем поганим, — это было дело насильное.

Отыскал Илья Муромец своего коня и поехал разыскивать богатырей.

Вот он ездил, ездил, наконец, нашел в чистом поле матер и сказал:

— Ну, что же вы, братья богатыри, так ли охраняете Владимира Красна Солнышка?

Они сильно перенудались, что Илья Муромец их убьет, но он никого не убил, не наказал и сказал:

— Ну, теперь поедem к Владимиру Красну Солнышку.

Когда приехали, то Илья Муромец положил Алешу Поповича на охрану города и дежурить, какие проезжающие богатыри будут. Вот он стоял, все охранял и вдруг приезжает богатырь, такой большой, что Алеша Попович испугался. На правом плече ясный голубь был, на левом ясный сокол, и кричал поединщика. Алеша Попович перепугался, прибежал рассказывать Илье Муромцу. Илья Муромец ему и говорит:

— Почему ж ты не выехал с ним на поединков? Ты бы выехал и крикнул, если его конь падет на коленки, то поезжай смело, уж если не падет, то не выезжай.

Так он отправил его на пробу. Отказаться Алешенька Попович не смел. Когда выехал, крикнул по-богатырски, ну, конь и не почувствовал; повернул Алешенька Попович, поскакал обратно к городу.

— Ну, Илья Муромец, я не смел поехать на него: крикнул, — конь повернул на меня, и я поехал обратно.

— Ну ладно, тогда я поеду, старый богатырь Илья Муромец.

Вот и выехал Илья Муромец, сын Иванович. Крикнул, — конь у того пошатнулся. Схватились они, ударились копьями: копыя пополам переломались, но никоторый никоторого не мог из седла вышибить. Мечами ударились, — мечи пополам переломались. Потом схватились в рукопашную, этот богатырь послал с левого плеча голубя матери:

— Нашел в поле поединщика, не знаю, справлюсь-ли, нет?

Вот они возились с Ильей Муромцем целые сутки, никоторый никоторого не может победить. Вот он посылает с правого плеча ясна сокола.

— Нашел в поле поединщика, мама, ну, не справиться. Тогда все-таки Илья Муромец его свернул; берет нож, распорол брюхо до печени, сам сел на коня и уехал. Приехал домой, и поставил Самсона Колушаевича.

— Вот теперь ты охраняй город, мало ли кто придет, скажешь.

Вот в одно прекрасное время приезжает богатырь. Богатырь был Сокольник-раскольник. Конь у богатыря был, как спяная буря; богатырь был, как сильная туча. Богатырей ничем не считал, а Красное Солнышко смехом вел. Вот и приезжает Самсон Колупавич к Илье Муромцу, рассказал, что видел. Илья и говорит:

— Эх вы, богатыри, не смеете выехать на богатырей, надо опять выехать старому Илье Муромцу.

Когда выехал Илья Муромец на него, крикнул, — конь на него поворотил. Селись они, ударили копьем, — копыя переломились, ударили мечом — мечи переломились, — никоторый никоторого победить не может. Засмеялся богатырь, схватился с Илей в рукопашную. Возлились, возлились они целые сутки, — никоторый никоторого победить не может. На вторые сутки подвернулась у Илья поженка, — богатырь на него. Сидит на груди и спрашивает:

— Эх ты, стар богатырь, да удалый был, ты скажи-ка, как тебя звать, какого роду, какого племени?

Говорит Илья ему в ответ:

— Кабы я у тебя, добрый молодец, сидел, на груди, не спрашивал ни роду, ни племени, колол бы брюхо до печени.

А он его все спрашивает:

— Ты скажи, скажи, добрый молодец, не убью тебя, побратаемся.

А Илья ему ничего не говорит, только так про себя сказал:

— Верно пришла Илье смерть неписанная в чистом поле.

Тогда у Илья сила прибавилась непомерная. Ударил он в грудь богатыря кулаком, и тот поднялся выше леса сточего, выше облака ходячего и упал о камень, рассыпался на мелкие дребезги. А Илья Муромец стал на добра коня, поехал к Владимиру Красну Солнышку.

Владимир Красно Солнышко обрадовался, собрал почестный пир, позвал богатырей на пир. И говорит Илья Муромец:

— Ну, Владимир Красно Солнышко, теперь я поеду к брату старшему, к тому ли Святогору богатырю. А вы оставайтесь да здравствуйте, вспомните Илью, да не увидите.

И говорит еще братьям Самсону Колупавичу да Алексею Поповичу:

— А вы, братья, не пугайтесь, не разезжайтесь, охраняйте Владимира Красна Солнышка.

И так распростился он с Владимиром Красным Солнышком, с братьями, сел на добра коня и поехал.

Вот приехал он к крутой горе, начал вставать в гору и поднялся; поднялся, увидал — шатер стоит. Заехал к шатру, — конь стоит богатырский, как сильная гора.

— Никто больше, как здесь Святогор.

Поставил своего коня, заходит в шатер; заходит, видит — Святогор богатырь спит с женой. Будить он не стал; делать ему нечего, и сам повалился спать. Вдруг встала Святогора-богатыря жена, улыбнулась, вышла из шатра, взяла мешок и опустила в мешок Илью Муромца и коня. И сунула мешок Святогору-богатырю в карман. Когда встал Святогор-богатырь, нужно ему было ехать, говорит жена:

— Ну, поедem на третью гору.

Сели на лошадей и поехали. Лошадь Святогора поднялась в первую и вторую гору, а на третью и подняться не может. Вот он и говорит ей:

— Ну, что ж ты, волчья сыть, травяной мешок, раньше скакала с горы на гору, а теперь и поднять не можешь?

Она и заговорила человеческим голосом:

— Раньше я носила богатыря и богатырскую жену, а теперь несу двух богатырей и богатырского коня. Богатырь хоть не супротив тебя, и конь не супротив меня.

— А где же они? — спрашивает.

— Посмотри у себя в кармане.

А Илья спал и ничего не слышал. И вот Святогор сунул руку в карман и вытрис Илью с конем и спросил жену:

— А как он мне попал в карман?

— А я, — говорит, — положила его.

Взял он жену и убил, стал Илью Муромца спрашивать:

— Какого ты роду, какого племени и как звать тебя? Он ему и отвечает:

— Я есть Илья Муромец, посмотреть мне тебя захотелось.

— Ну, ладно, коли так пришлось, то побудь у меня и

будь ты меньшим братом, а я буду старшим и поедем с горы на гору.

Сели они на коней и поехали.

Прискакали на одну гору, и стоит на горе гроб, и был открыт этот гроб. Ну, он был слишком большой. Вот и говорит Святогор богатырь Илье Муромцу:

— Ну-ка, Илья Муромец, применись к гробу, по тебе ли он будет?

Илья Муромец повалился в гроб и не хватают ни руки, ни ноги.

— Нет, Святогор богатырь, этот гроб не по мне, нас таких пойдет десятками в этот гроб.

Потом слез с коня Святогор богатырь, повалился в гроб. Как повалился, крышка закрылась, и Святогор богатырь подняться не может. Заговорил Святогор богатырь:

— Бей мечом, расколи, я не хочу умирать.

Как ударил Илья по гробу, — покрылся гроб обручем. Заговорил Святогор богатырь:

— Возьми мой меч да ударь, твой легок.

Тогда он берет его меч, захватил, а поднять не может, сам по колено в землю ушел.

— Нет, Святогор богатырь, я твой меч поднять не могу.

— Ну, приклонись ко мне, я силу дам.

Вотдохнул он на него, у Илья силы прибавилось, взял он меч, как ударит им по гробу, опять сделалась железная полоса.

Тогда опять Святогор-богатырь говорит:

— Привяжи еще раз, я опять силы дам, ударь теперь, крышка и рассыплется.

— Нет, я второй раз не припаду, ударить я ударю.

Святогор-богатырь ему и говорит:

— Ну, ударь, не ударь, все равно я уж начинаю умирать. Хорошо, что не припал, я бы тебе земляным духомдохнул, тебе бы и живьем не быть. А мне уже здесь смерть. Привяжи моего коня ко гробу, им никому не владеть, и мой меч оставь тут.

Потом распростился Илья Муромец с Святогором богатырем, и тот умер, а Илья поехал вперед.

И вот подъезжает он ко второму гробу и сказал:

— Ну, наверно, это моя смерть, уж коли умер Святогор-богатырь, то наверно, и я умру.

И он сошел с коня, привязал его к гробу, зашел в гроб, крышка закрылась — и Илья кончился.

СОДЕРЖАНИЕ

В. Базанов. Сказочник М. М. Коргуев	2
Ондрей стрелец	8
Иван Соколов	31
Елена Прекрасная	50
Шут	74
Илья Муромец	93